

Б. Смирновъ.

69

Д. В. Г.
Центральная
М
Научная Библиотека
Б. А. С. С. Р.

1909 91 (5)
C 506 C 50

ВЪ СТЕПЯХЪ ТУРКЕСТАНА.

Очерки.

СЪ РИСУНКАМИ АВТОРА.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ПЕРЕДВИЖНАЯ БИБЛ

МОСКВА. — 1914.

Издание книжного склада М. В. Ключкина.

Ваганьковский пер., д. № 9.

Въ степяхъ Туркестана.

Очерки.

I.

Я выѣхалъ изъ Ташкента вечеромъ. Позади остался городъ съ его блестящими магазинами и фонарями, освѣщающими главныя улицы; промелькнули темныя изгибы переулковъ съ мерцающими огоньками въ лавчонкахъ сартовъ, и тѣма невѣдомая, необъятная тѣма охватила меня со всѣхъ сторонъ.

Это Средняя Азія! Та Средняя Азія, которая еще не такъ давно непонятными узорами рисовалась на географической картѣ, перелистывалась скучными страницами учебника, въ которомъ каждое лишнее названіе вызывало въ душѣ желаніе взять карандашъ и вычеркнуть его, чтобы не обременять память мертвыми звуками. Это та Азія, которая нѣсколько позже развертывалась пестрымъ восточнымъ ковромъ въ иллюстраціяхъ Дмитріева - Кавказскаго, Каразина, такъ плѣнительно притягивала, чаровала въ картинахъ Верещагина.

Вотъ теперь я въ центрѣ настоящей Азіи,—загадочной, манящей къ себѣ своими своеобразными хребтами горъ, пустынями и сказочными народами. Передъ моими глазами на облучкѣ сидитъ ямщикъ—настоящій киргизъ въ своей овчинной шубѣ, мохнатой мѣховой шапкѣ съ острымъ верхомъ; я даже чувствую, какъ отъ него пахнетъ ка-

кимъ-то особеннымъ, присущимъ только киргизамъ, запахомъ дыма и баранины, и, право, какъ это ни странно, этотъ запахъ мнѣ нравится, въ немъ есть что-то характерное, азіатское! Даже небо надо мною кажется не тѣмъ, которое тамъ далеко въ Европѣ; это глубокое, южное небо, гдѣ самыя звѣзды горятъ ярче; онѣ словно алмазы сверкаютъ; созвѣздія рѣзче бросаются въ глаза и кажутся болѣе близкими; Млечный Путь, по преданію магометанъ указывающій дорогу въ Мекку, обрисовывается опредѣленнѣе въ синевѣ неба.

Я, забившись въ уголокъ тарантаса, всматриваюсь въ глубину этого южнаго неба; яркогорящія звѣзды чаруютъ душу своей сказочной красотой, погружаютъ ее въ какую-то дрему, полную грезъ и сновидѣній... но душа капризна, она снова рвется назадъ, туда, за тысячи верстъ, въ уютъ родной семьи; передъ глазами рисуются дорогія лица, но потомъ они расплываются и исчезаютъ въ дымкѣ, и я, сколько ни напрягаю воображенія, не могу снова вызвать ихъ черты; въ ушахъ звучитъ какая-то мелодія, монотонная, однообразная.

— Ахъ, да это колокольчики звенятъ на дугѣ!—отмахиваюсь я, просыпаясь, глубже пряча лицо въ воротникъ пальто и плотнѣе закутываясь въ бурку. Ночной холодъ даетъ себя чувствовать. Я снова погружаюсь въ звѣздное небо; глаза перебѣгаютъ отъ одной звѣзды къ другой, звѣзды растутъ, увеличиваются и много ихъ, необъятно много...

Вдругъ рѣзкій толчокъ заставилъ меня очнуться отъ сказочныхъ огней; лошади чего-то испугались и круто повернули въ сторону. Я приподнялся, чтобы посмотреть, въ чемъ дѣло, но въ эту минуту тарантасъ перевернулся, ямщикъ вылетѣлъ съ козелъ, и тройка быстро понеслась по камнямъ и рытвинамъ. Запутавшись ногами въ вожжахъ, мнѣ пришлось безпомощно тащиться за тарантасомъ; тщетно я старался освободиться отъ опасныхъ путъ, но, къ счастью, на меня что-то упало, что-то двинулось, и—о, радость!—чувствую, что я лежу спокойно.

— Что такое случилось, какимъ образомъ?—раздумываю я, лежа, смотря на звѣзды. Лошади помчались даль-

ше и, ударившись оглоблями въ карагачи*), остановились. Невдалекѣ чернѣла какая-то туша, издававшая глухіе звуки: это былъ ямщикъ.

— Послушай, ты ушибся, тебѣ больно?—спросилъ я, подойдя къ нему.

Въ отвѣтъ послышался стонъ. Ощупывая его лицо и руки, я прикоснулся къ чему-то сырому, липкому; „кровь“—догадался я. Я помогъ ему встать, далъ носовой платокъ перевязать руку. Мои дорожные вещи оказались разбросанными по дорогѣ, а тарантасъ съ опрокинутыми кверху колесами лежалъ въ канавѣ.

Ямщикъ вытеръ кровь съ лица и пошелъ по дорогѣ. — Ты куда, голубчикъ?—спрашиваю я киргиза.

Этотъ незнакомый молчаливый киргизъ не вызывалъ къ себѣ довѣрія; въ воображеніи рисовались картины степныхъ грабежей, въ которыхъ ямщики принимали непосредственное участіе. Вынувъ револьверъ, я пошелъ за нимъ и сталъ помогать распутывать испуганныхъ лошадей и собирать разбросанныя вещи; тарантасъ поднять мы не могли. Приходилось ночевать въ степи и ждать проѣзжихъ. Отдавшись покорно судьбѣ, я полѣзъ спать подъ опрокинутый тарантасъ, а ямщикъ прилегъ около лошадей. Время тянулось безконечно долго. Я особенно ярко чувствовалъ свою затерянность и беспомощность, одиноко пріютившись подъ тарантасомъ, на сѣнѣ. Ночь была тиха, но это не та торжественная тишина природы, которая будить гдѣ-то тамъ въ сокровенныхъ глубинахъ души восторгъ жизни и красоты; это была тишина мертвая, холодная, леденящая чувства и самое сознание дѣйствительности. Тяжелый храпъ киргиза, который уснулъ около карагачей, его вздохи и стоны были пріятны, они говорили о жизни. Къ утру подморозило, дрожь пробирала тѣло, и зубы стучали...

Но вотъ небо понемногу засвѣтлѣло, и мгла растаяла, распалась. Ночь черная, какъ уголь, затлѣла отъ солнца, вспыхнула яркимъ свѣтомъ, а вѣтеръ, казалось, раздувалъ это пламя въ пожаръ дня.

*) Карагачъ—дерево.

На душѣ становилось свѣтлѣе. Вдали послышался звонъ колокольчика, сердце встрепенулось отъ радости, — это ѣхала почта изъ Ташкента. Прибывшіе ямщики помогли поднять тарантасъ и взяли насъ съ собою. На станціи всѣ ужаснулись, увидя киргиза: все лицо его почернѣло отъ запекшейся крови; вѣроятно, онъ волочился головой по острымъ камнямъ дороги и поэтому такъ сильно содралъ кожу. У меня на рукахъ тоже зіяли большія ссадины.

Послѣ этого садиться въ тарантасъ было очень неприятно; самый видъ его меня пугалъ, но такъ какъ другого способа передвиженія не существовало, то на слѣдующій день я снова долженъ былъ считать по дорогѣ телеграфные столбы. Самый процессъ ѣзды въ этомъ допотопномъ экипажѣ безъ рессоръ ужасенъ; дорога каменистая, и несчастного путника бросаетъ изъ стороны въ сторону, взадъ и впередъ; бока и спина болятъ отъ ударовъ.

Передо мною на громадное пространство разстилалась степь; былъ апрѣль, — снѣгъ только-что сошелъ и обнажилъ бурюю поверхность, покрытую рѣдкой щетиной прошлогоднихъ колючихъ травъ; кое-гдѣ виднѣлись уродливые кусты саксаула *), доставляющіе мало отрады зрѣнію, да темные оазисы карагачей, между которыми запутались сухіе кусты бурьяна. На горизонтѣ нѣжно рисовалась полоса лиловатыхъ горъ, воздушныхъ, какъ облако; она ласкала зрѣніе путника и манила къ себѣ, но все время уходила вдаль, — казалось, разстояніе не уменьшалось...

Въ теченіе всего моего путешествія эти горныя дали были одинаково недосыгаемы, какъ мечта, и одинаково утомляли, какъ однообразіе пустынной равнины, какъ заплатанная спина ямщика, какъ безконечный звонъ колокольчиковъ. Вотъ и теперь, казалось, правый колокольчикъ, привязанный къ дугѣ, расшалился, какъ ребенокъ, неистово болтаетъ языкомъ во всѣ стороны и старается ударить своего сосѣда, но это ему не удается, и онъ еще съ большей силой заливается, рвется съ привязи.

*) Саксаулъ — древовидный кустарникъ, растущій въ пустыняхъ, съ очень узкими листьями, недающими никакой тѣни.

— Ты что жуешь?

— Табакъ! — отвѣчаетъ киргизъ, сплевывая слюну; его заплатанная спина начинаетъ возиться на облучкѣ, онъ вытаскиваетъ изъ-за пазухи стеклянный пузырекъ, наполненный зеленымъ порошкомъ, и любезно предлагаетъ попробовать, какъ у насъ курящій — папиросу.

Я отрицательно качаю головой.

На лицѣ ямщика является скуластая улыбка, въ маленькихъ глазахъ мелькаетъ едва замѣтный насмѣшливый огонекъ; онъ бережно набираетъ изрядную щепотку табаку, суетъ себѣ за щеку и дергаетъ нѣсколько разъ вожжами.

— Гей, гей! — раздался черезъ нѣсколько минутъ гортанный возгласъ, и лошади сразу рванулись впередъ; колокольчикъ неистово звякнулъ и снова заигралъ со своимъ сосѣдомъ. Киргизъ, словно капельмейстеръ большого оркестра, началъ съ увлеченіемъ дирижировать своимъ кнутомъ, а кони, какъ истинные музыканты, строго слѣдятъ за движеніемъ кнута своего вдохновеннаго маэстро.

Къ вечеру начался подъемъ на высокую гору; становилось холодно, лиловатыя дали на время скрылись. Вдругъ совершенно неожиданно съ вершины горы открылась цѣлая страна, покрытая холмами; эти холмы на переднемъ планѣ были покрыты бурой землей, но чѣмъ далѣе уходили, тѣмъ становились синѣе, прозрачнѣе и мало-по-малу сливались съ дымкой горизонта.

Трудно передать то чувство, которое овладѣвало душой при созерцаніи этой картины. Эти холмы какъ громадныя безмолвныя могилы покрывали землю; они напоминали забытое кладбище, гдѣ подъ тяжелымъ слоемъ земли были погребены титаны и геніи. Величіемъ и спокойствіемъ вѣяло отъ этой мрачной страны. Казалось, здѣсь начиналось преддверіе вѣчности, та грань, которая открывала безконечный, невѣдомый міръ!.. Хотѣлось молиться... Орелъ, взмахнувъ огромными крыльями, поднялся высоко надъ головой и, казалось, слѣдилъ за мной, какъ за добычей.

На обрывистомъ спускѣ ямщикъ затормозилъ экипажъ, я пошелъ пѣшкомъ, любуясь тишиной пустыни. Въ городѣ Чемкентѣ, затерявшійся въ холмахъ, удалось пріѣхать только къ ночи. Передъ городомъ есть одно „проклятое

мѣсто“, какъ называютъ его жители: это рѣчка Бадамъ. Въ самомъ дѣлѣ, это очень опасное мѣсто: дорога круто спускалась съ высокаго холма прямо въ рѣчку, которая бѣшено кипѣла, пѣнилась и съ невѣроятной быстротой мчалась впередъ, увлекаая за собой камни и гальки; мостъ былъ разрушенъ весеннимъ разливомъ, пришлось ѣхать вбродъ; лошади, стараясь держаться извѣстнаго направленія, ступали осторожно, гальки вырывались изъ-подъ ногъ, и быстрое теченіе уносило ихъ внизъ; бѣдныя животныя дрожали, вода была очень холодна, такъ какъ бѣжала отъ таянія горнаго снѣга. Вообще ранней весной горныя потоки и рѣчки въ Туркестанѣ приносятъ много бѣдствій. Это стихійная сила, въ борьбѣ съ которой человѣкъ бываетъ часто безпомощнымъ.

Послѣ Чемкента начинаются поселки малороссовъ, переселившихся сюда лѣтъ двадцать тому назадъ. Вдоль дороги бѣлѣютъ хатки съ вишневыми садами, въ которыхъ еще съ прошлаго года торчатъ сухіе стебли подсолнечниковъ; попадаются родныя лица чернобровыхъ дивчатъ въ пестрыхъ плахахъ; слышится малороссійскій говоръ, на околицахъ скрипятъ журавли колодцевъ. Казалось, я снова попалъ въ родную Украину, но иллюзію разрушала серебристая цѣпь снѣжныхъ горъ, которыя виднѣлись за соломенными крышами. Съ косогора можно было отчетливо разглядѣть снѣжную вершину Акъ-су, что значитъ, по-киргизски, бѣлая вода. Эта вершина чтима киргизами какъ святыня. Самый цвѣтъ—бѣлый—священный цвѣтъ: это цвѣтъ горнаго снѣга, источника жизни страны. Со снѣжныхъ вершинъ текутъ потоки и рѣчки, которые наносятъ плодородныя частицы земли и тѣмъ самымъ удобряютъ почву и дѣлаютъ ее годной для земледѣлія.

Эти горныя рѣчки разводятся по полямъ на множество искусно вырытыхъ мелкихъ канавокъ, называемыхъ арыками. Подобная система орошенія въ Средней Азіи называется „арычной“. Благодаря такому орошенію хлѣба въ этой мѣстности рождаются хорошіе; двѣ полноводныя рѣчки Арысъ и Куланъ даютъ порядочное питаніе почвѣ, но въ послѣдніе годы здѣсь появилась саранча и уничтожила

все до послѣдняго стебелька, такъ что крестьяне принуждены сѣять хлѣбъ далеко въ горахъ, куда саранча не залетаетъ.

II.

Навстрѣчу съ горы спускался караванъ. Красивая картина: впереди ведетъ перваго верблюда сартъ въ полосатомъ халатѣ, въ бѣломъ тюбанѣ. Черезъ горбы верблюдовъ перекинута пестрая сумка, вытканная изъ цвѣтной шерсти. Молча, торжественно идетъ сартъ; мѣрно, неслышно ступаютъ верблюды, соединенные одинъ съ другимъ веревкой, продернутой черезъ ноздри. Я долго смотрѣлъ велѣдъ каравану, пока онъ не скрылся за холмами. Нужно замѣтить, что верблюдъ здѣсь является главнымъ вычнымъ животнымъ; на немъ сарты, въ рукахъ которыхъ находится торговля, перевозятъ свои товары; киргизы везутъ свои юрты, пожитки и громадныя связки саксаула для топлива. Въ сущности, для европейскаго взора это довольно неуклюжее животное; у него маленькая голова, непомѣрно длинная шея, два уродливыхъ горба, мозолистыя высокія ноги, но для мѣстнаго кочевника онъ является олицетвореніемъ красоты и богатства.

— Скажи, сколько у тебя жирныхъ верблюдовъ, сколько лошадей, овецъ съ курдюками?!..—вотъ здѣсь мѣрило богатства.

— Какъ здоровье твоего верблюда?—вотъ первый вопросъ, который задаетъ киргизъ своему знакомому. Жизнь туркестанца тѣсно связана съ этими животными.

На станціи Высокой, которая пріютилась на вершинѣ горнаго перевала, долго пришлось ждать лошадей. Ахъ, какая смертельная скука сидѣть на маленькой пустынной станціи и прислушиваться къ звону обратной тройки.

Медленно ползутъ часы, и время тянется безконечно долго. Отъ скуки я вышелъ на крыльцо: яркій, солнечный свѣтъ ослѣпилъ глаза. На фонѣ нѣжно-голубого неба раскинулась горная цѣпь, съ сверкающими снѣжными вершинами. На перевалѣ, гдѣ находилась станція, воз-

духъ былъ чистъ и прозраченъ какъ горный хрусталь; казалось, ни одно дыханіе земли не коснулось его. На каменной заваленкѣ около крыльца сидѣлъ мальчишка-киргизъ съ годовалымъ ребенкомъ и зашивалъ себѣ армякъ. Несмотря на холодъ, малютка одѣтъ въ одну ситцевую рубашенку, да и то настолько порванную, что худенькая смуглая грудь и плечики были открыты. Вообще, нужно замѣтить, что киргизскія дѣти растутъ, какъ дикій бурьянъ, одинаково перенося и лѣтній зной и зимнюю стужу. Мнѣ хотѣлось зарисовать эту интересную группу, но маленькій портной испуганно вскочилъ и хотѣлъ бѣжать. Въ это время изъ-за развалины глиняной стѣны показались двѣ киргизскія дѣвочки, тоже закутанныя въ какія-то лохмотья; онѣ затѣяли игру вродѣ нашего „квача“ *). Дѣти весело смѣялись, сверкая на солнцѣ своими бѣлыми зубами, что-то выкрикивали на киргизскомъ языкѣ и совсѣмъ забыли о моемъ присутствіи и плачущемъ ребенкѣ, брошенномъ на заваленкѣ. Я сталъ кричать на мальчугана, знаками показывая, чтобы онъ оставилъ игру. Мальчуганъ, должно быть, понялъ меня: вытащилъ изъ-за пазухи веревку, далъ дѣвочкѣ, и она крѣпко привязала малютку къ нему спереди. Опустивъ руки и смотря на меня торжествующими глазами, онъ снова пустился бѣгать съ ношей вокругъ телеграфнаго столба. Ребенокъ, свѣсившись на сторону, молчалъ, и только головка его безпомощно тряслась, а вѣтеръ развѣвалъ волосы, проросшіе черезъ толстый слой грязной корочки. Мнѣ было жаль малютку, и я пошелъ подальше отъ станціи. На пригоркѣ за заборомъ, отдѣляющемъ дворъ, ходили почтовые лошади и пощипывали молодую травку, еле пробивающуюся черезъ желтую щетину прошлогоднихъ колючекъ. Около нихъ стояла дѣвочка лѣтъ девяти; вѣтеръ пронизывалъ ее черезъ старенькое ватное пальто, и она отъ холода ежилась.

— Дѣвочка, какъ тебя зовутъ?

— Наташа.

— Тебѣ здѣсь не скучно?

*) То же, что „палочка-выручалочка“.

Сартъ.

— Нѣтъ!—боязливо проговорила она, смотря на меня своими грустными глазами.

— У тебя есть сестры, братья?

— Нѣтъ, я одна! Была маленькая сестра, да умерла. И сѣрые глазки сдѣлались еще грустнѣе.

— У тебя есть подруги, ты съ кѣмъ-нибудь играешь? Наташа отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, тутъ все киргизята, только они дерутся, я не хочу къ нимъ!

— Что это у тебя въ рукахъ?

Дѣвочка держала какой-то свертокъ. Она застѣнчиво покраснѣла и потупила глаза.

— Кукла!..—едва слышно прошептала Наташа.

— Кукла?! Покажи мнѣ!

Дѣвочка сконфуженно замялась. Застѣнчиво она протянула мнѣ свой свертокъ. Въ старомъ, ситцевомъ платкѣ была завернута кукла, сшитая изъ тряпокъ; она ничего не имѣла общаго съ нарядными красавицами, выставленными въ окнахъ игрушечныхъ магазиновъ, но зато носила на себѣ слѣды нѣжныхъ ласкъ и поцѣлуевъ,—лицо ея такъ замазано, что трудно было разобрать, гдѣ глаза, гдѣ носъ.

— Ты ее любишь? — спросилъ я, отдавая куклу хозяйкѣ.

— Да. — И Наташа довѣрчиво подняла на меня свои глаза.

Судьба этой дѣвочки заинтересовала меня,—мы скоро разговорились, и предо мною довѣрчиво раскрылась эта чистая дѣтская душа.

Бѣдная дѣвочка, какъ былинка, растетъ совершенно одна среди горной пустыни; нѣтъ у нея ни подругъ ни дорогихъ игрушекъ; лишь солнце ласкаетъ ея русую головку, да вѣтерокъ играетъ съ нею взапуски, когда она бѣгаетъ по степи.

Наташа никогда не выѣзжала изъ своей горной станціи и совершенно не имѣла никакого понятія, что такое городъ и церковь. Когда я объ этомъ заговорилъ съ нею, глазенки ея вспыхнули—она стала рассказывать о церкви то, что слышала отъ матери, ѣздившей въ прошломъ году

на Пасху въ Пишнекъ. Ея глаза мечтательно смотрѣли на горныя вершины, ослѣпительно сверкавшія на солнцѣ, и, казалось, вся ихъ хрустальная красота отражалась въ этомъ чистомъ, дѣтскомъ взорѣ. Смотра на ея разгорѣвшееся личико, полное восторга, пожалуй, пожалѣешь о городскихъ дѣтяхъ, которыя мало цѣнятъ радости, такъ щедро разсыпанныя въ ихъ жизни. У Наташи, въ воображеніи, церковь горѣла болѣе яркими огнями, чѣмъ у нихъ, несмотря на то, что дѣвочка никогда не видала ея.

— Пойдемъ въ комнату пить чай—тебѣ холодно!

Глазенки дѣвочки вдругъ потухли и личико снова поблѣднѣло,—она засунула глубже въ рукава посинѣвшія руки и отрицательно покачала головой. Оказалось, отецъ заставилъ ее караулить лошадей, которыя паслись на пригоркѣ. Пройдя еще нѣсколько разъ около станціи, я основательно продрогъ и направился въ комнату для пріѣзжающихъ—обогрѣться. Несмотря на то, что на станціи мнѣ пришлось пробыть цѣлый день, мнѣ такъ и не удалось еще разъ увидѣть Наташу; она гдѣ-то пряталась по угламъ, какъ дикій звѣрекъ, но ея грустные глаза надолго остались въ моей памяти.

III.

На станціи „Бурной“ пришлось переночевать. На горахъ около Бурной, какъ самое названіе показываетъ, бываютъ частые бураны, во время которыхъ самые отважные ямщики не рѣшаются отправляться въ путь, особенно подъ ночь. Здѣсь, въ ложбинахъ, еще лежитъ снѣгъ; грязь замерзла и образовала твердья, какъ камень, кочки. За косогоромъ пріютилось маленькое киргизское кочевье. Недалеко отъ станціи разбито нѣсколько киргизскихъ юртъ. Вечерняя заря гасла, и желтовато-красная полоска неба дѣлалась все блѣднѣе и блѣднѣе. Казалось, на ночь небо одѣвалось въ густыя фіолетовыя тучи—зловѣщій признакъ бури. Отъ юрты курился синій дымокъ и разносился аппетитный запахъ жареной баранины.

„Развѣ пойти туда!..“ думалъ я, смотря на юрты.

Съ внѣшней стороны юрта имѣла форму круглаго шатра. Я поднялъ пологъ изъ кошмы, привѣшенной при входѣ, и очутился внутри юрты. Пріятный полумракъ мягко окутывалъ узорчатые стѣны; посрединѣ, въ очагѣ тлѣлъ кизякъ, и струйка дыма поднималась вверхъ въ отверстіе, гдѣ синѣло небо; въ котлѣ что-то кипѣло; киргизка, въ ситцевомъ казакинѣ съ короткими рукавами и съ бѣлой повязкой на головѣ, возилась около очага вмѣстѣ съ черномазыми ребятами. Она вскинула на меня свои узкіе глаза и снова погрузилась въ работу.

Жилая юрта.

— Здравствуйте! Можно посидѣть у васъ?

— Ассаламыкенъ!.. *)—отвѣтила женщина.

Изъ груды пестрыхъ стеганныхъ одѣялъ, красныхъ кумачевыхъ подушекъ и кошмъ, нагроможденныхъ на кровати почти до самаго верха юрты, поднялась скуластая голова въ грязной тибетейкѣ; сонные глаза равнодушно осмотрѣли меня съ ногъ до головы.

— Здравствуй! Садись!—и голова снова утонула въ подушкахъ.

*) Ассаламыкенъ—здравствуй!

Садись!.. Это легко было сказать, но не такъ легко сдѣлать.

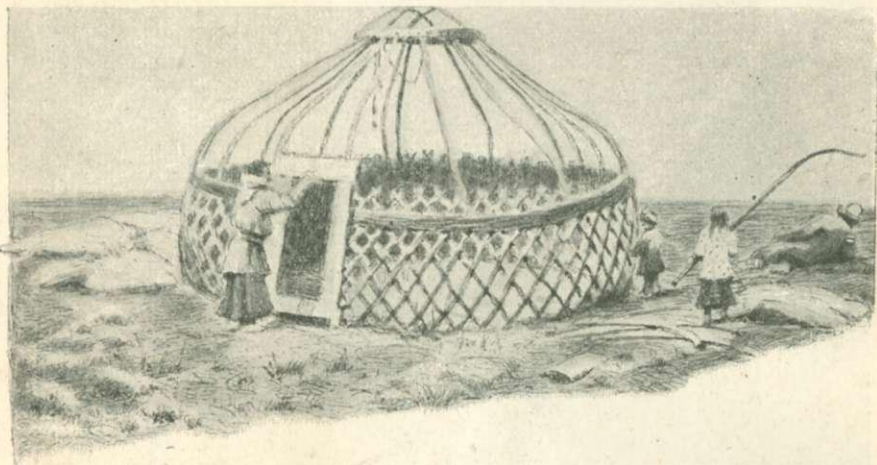
Киргизка съ дѣтьми сидѣла вокругъ очага, на корточ-

Старикъ киргизъ

кахъ, на кошмѣ, пропитанной грязью и жиромъ; глаза мои остановились на высокомъ киргизскомъ сѣдлѣ, украшенномъ мѣдными бляхами. Я сѣлъ на него такъ же удобно, какъ въ мягкое кресло, и сталъ наблюдать. Киргизка сво-

шения; къ этимъ шнурамъ привѣшивается сушеный красный перецъ, вяленое мясо, которое тутъ же коптится въ дыму очага. Этотъ деревянный скелетъ снаружи покрывается войлоками, цыновками, а внутри пестрыми коврами. Такую юрту можно собрать и разобрать въ полчаса.

Какъ ставить юрту.

Киргизъ средняго роста, довольно строенъ, широкъ въ плечахъ. Цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, прямые и довольно жесткіе; лицо скуластое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи и широкимъ носомъ, борода рѣдкая.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ длинной замшевой или бумажной рубашки, надѣваемой непосредственно на тѣло, и широкихъ бумажныхъ или кожаныхъ штановъ; затѣмъ халатъ съ длинными рукавами, кожаные сапоги, на бритой головѣ ермолка, поверхъ которой надѣвается мѣховая или остроконечная войлочная шапка, съ загнутыми кверху полями. Женскій костюмъ во многомъ похожъ на мужской; на головѣ женщины носятъ бѣлый бумажный башлыкъ или платокъ.

Большую часть года киргизы живутъ въ юртахъ или кибиткахъ, войлочныхъ палаткахъ. Такая кибитка состоитъ изъ деревяннаго рѣшетчатаго разборнаго остова, образующаго стѣну въ видѣ низкаго цилиндра; этотъ послѣдній

обтягивается со всѣхъ сторонъ войлоками и покрывается сверху крышей конусообразной формы, съ круглымъ отверстіемъ для выхода дыма наверху, которое по желанію можетъ быть заткнуто кускомъ войлока. Свѣтъ проникаетъ въ юрту только черезъ отверстіе вверху и въ дверь. Пола нѣтъ, вмѣсто него на землю настилаютъ кошмы. Мѣсто посрединѣ занимаетъ котелъ на треногѣ — домашній очагъ, а около стѣнъ разложена домашняя утварь, посуда, деревянные сѣдла, постели, а въ зажиточныхъ семьяхъ сундуки, погребцы, самовары и такъ далѣе.

Юрты расположены какъ попало; издали ихъ можно принять за стога сѣна; около нихъ ржутъ кони, лаютъ собаки, трубятъ верблюды, играютъ полуголые ребятишки.

Главное занятіе киргиза — скотоводство. Кромѣ лошадей, киргизы держатъ коровъ, овецъ, козъ и верблюдовъ. Животные эти даютъ киргизу въ пищу молоко и мясо, а на одежду — шкуру и шерсть.

Большое значеніе въ хозяйствѣ киргиза имѣетъ верблюдъ, который у киргизовъ разводится двухъ породъ — одногорбый и двугорбый. Верблюдъ очень неприхотливъ, способенъ долгое время оставаться безъ воды, а благодаря своимъ упругимъ, ши-

Типы киргизокъ.

рокимъ подошвамъ, онъ можетъ свободно, не увязая, ходить по зыбучимъ пескамъ. Верблюды поить, кормить, одѣваетъ киргиза, перетаскиваетъ съ мѣста на мѣсто его семью, его хибарку со всей принадлежащей ему рухлядью.

Киргизы до сихъ поръ народъ кочевой. Лишь только снѣгъ начнетъ стаивать, киргизъ предпринимаетъ свой обычный, ежегодный переходъ. Каждый родъ изъ году въ годъ слѣдуетъ по одному и тому же пути, останавливаясь

Киргизы и ихъ зимнее жилище.

у тѣхъ же ключей и колодцевъ, у которыхъ останавливались его предки сотни лѣтъ тому назадъ, и постоянно возвращаясь на зимовку въ одно и то же мѣсто.

У киргизовъ очень развито гостепріимство. Хозяинъ, увидѣвъ знакомаго всадника, выѣзжаетъ къ нему навстрѣчу и, послѣ обычнаго привѣтствія, провожаетъ до юрты. Къ подъѣзжающему подбѣгаютъ джигиты или сыновья и помогаютъ слѣзть съ лошади, которую немедленно отводятъ. Между тѣмъ, вошедшаго въ кибитку гостя сажаютъ на почетное мѣсто. Жена спрашиваетъ его о здоровьѣ какъ личномъ, такъ и всей семьи, послѣ чего идетъ хлопотать

объ угощеніи, тогда какъ хозяинъ переходитъ къ новостямъ дня, которыхъ жаждетъ услышать отъ пріѣхавшаго или не прочь сообщить самъ. До сплетенъ и новостей киргизы большіе охотники; всякая новость, какъ по телеграфу, облетаетъ всю степь и, конечно, нерѣдко искажается до неузнаваемости.

При большихъ сѣздахъ бываютъ джигитовки и борьба, но такими увеселеніями обыкновенно справляются только

Киргизское зимнее жилище (зимовка).

свадьбы или поминки. Чаше же гость или играетъ или слушаетъ пѣніе и игру на балалайкѣ, отличающейся отъ нашей болѣе длинной шейкой.

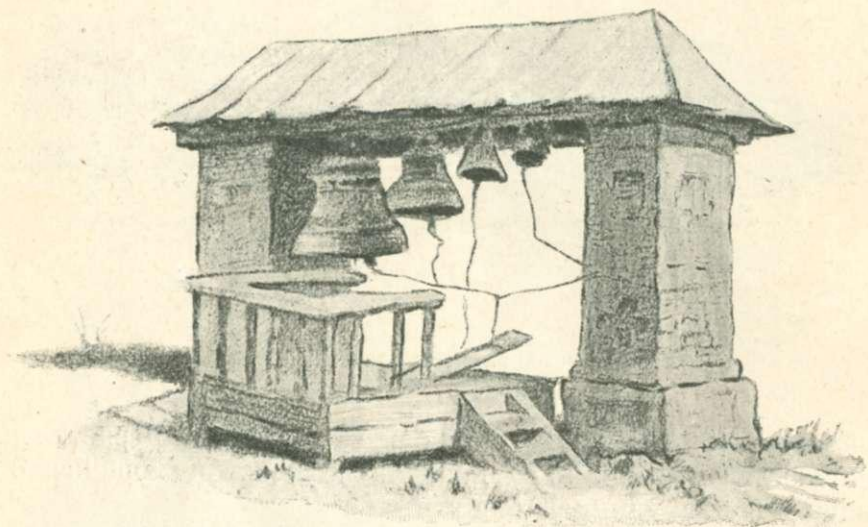
Стихи поются по большей части импровизированные, но на извѣстный мотивъ. Рѣже играютъ въ разныя игры или карты, которыя начинаютъ находить поклонниковъ и здѣсь.

IV.

На другой день я встрѣтился въ Пишпекѣ со своими товарищами, пріѣхавшими сюда на полторы недѣли раньше меня. Это былъ сборный пунктъ, откуда мы хотѣли совершить экспедицію съ научными цѣлями на южный Алтай, но этой экспедиціи такъ и не удалось состояться.

Въ Пишпекѣ мы пробыли приблизительно съ мѣсяцъ,

въ самый разгаръ весны. Мѣстность кругомъ была сырая, воздухъ нездоровый; дожди мѣшали нашимъ экскурсіямъ по окрестностямъ, а потому я сосредоточилъ свои наблюденія на жизни самого населенія. Мѣстный приставъ любезно предложилъ мнѣ въ переводчики городского дунгана, съ которымъ я не замедлилъ отправиться на базаръ. Базаръ—самое интересное мѣсто не только въ Пишпекѣ, но и вообще во всѣхъ восточныхъ городахъ. Это сосредоточіе жизни всего туземнаго населенія. Базаръ предста-

Звонница (колокольня) въ Пишпекской церкви.

вляеть изъ себя пеструю толпу, поражающую европейца своими скуластыми смуглыми лицами, остроконечными киргизскими шапками, овчинными шубами, пестрыми халатами, бѣлыми тюрбанами; все это движется, живетъ своеобразной жизнью. Кара-киргизы сидятъ на площади кружками и оживленно бесѣдуютъ о посѣвахъ и о дѣлѣхъ земли; вокругъ нихъ, понуря головы, стоятъ маленькія киргизскія лошади, какъ будто прислушиваясь къ бесѣдѣ своихъ хозяевъ и принимая непосредственное участіе. На другой сторонѣ площади расположились казаки—киргизы; это кочевники, занимающіеся скотоводствомъ въ безпре-

дѣльныхъ степяхъ. Они привели на базаръ табуны барановъ, коней и верблюдовъ. Киргизскіе бараны большей частью покрыты коричневой шерстью, на хвостахъ громадные тяжелые наросты жиру, которые называются курдюками; за этотъ жиръ они и цѣнятся киргизами, и чѣмъ больше курдюкъ, тѣмъ дороже баранъ. Дальше у глинобитной стѣны приютился цѣлый караванъ верблюдовъ; около нихъ сложены мѣшки, тюки товара, кошмы и вязанки кураю*). Около чайхана кишить толпа; молодой сартъ съ задумчивыми черными глазами что-то бренчитъ на длинномъ инструментѣ, въ родѣ нашей гитары. Звуки

На базарѣ.

инструмента смѣшиваются съ дикимъ ревомъ верблюдовъ, блеяніемъ овецъ, гортаннымъ говоромъ толпы и образуютъ особенный оркестръ восточнаго базара. У входа чайхана пыхтитъ огромный, нечищенный самоваръ тульского происхожденія; около него сидитъ хозяинъ-сартъ въ тепломъ засаленномъ халатѣ и, прислушиваясь къ музыкѣ, разливаетъ чай въ фаянсовыя мисочки, въ родѣ нашихъ чашечекъ. Тутъ же ловкіе, но грязные повара готовятъ на пару какую-то лапшу и сейчасъ же подаютъ съ острыми приправами изъ лука и перца. Рядомъ—открытая лавченка, въ которой висятъ ободранные бараны, курдюки съ саломъ; въ слѣдующей лавкѣ разложены овощи: кар-

*) Курай—топливо изъ бурьяна.

тофель, лукъ, чеснокъ, связки краснаго перца, подвѣшенныя на ниточкахъ яблоки и дыни, прекрасно сохранившіяся еще съ осени. На углу, въ открытой пекарнѣ, худошавый сартъ на огромной лопатѣ садитъ въ печь какія-то лепешки; груды бубликовъ лежатъ тутъ же на прилавкѣ.

Въ концѣ ряда съ красными товарами на кошмѣ сидитъ оборванный дунганъ среди разбитыхъ чайниковъ, чашекъ, лампадочекъ и другихъ осколковъ и что-то выкрикиваетъ на своемъ языкѣ, очевидно, приглашая къ себѣ покупателей. Оказывается, онъ промышляетъ тѣмъ, что покупаетъ за безцѣнокъ разбитую посуду, склеиваетъ ее и продаетъ бѣдному населенію. Чтобы имѣть полное представленіе о его работѣ, я купилъ нѣсколько китайскихъ чашекъ и далъ ему, прося сначала разбить, а послѣ склеить. Чинильщикъ даже глаза вытаращилъ и въ недоумѣніи опустилъ руки.

— Онъ только чинитъ посуду, а не бьетъ ее! — улыбаясь, пояснилъ переводчикъ.

Я самъ разбилъ чашку на нѣсколько частей. Мастеръ громко разсмѣялся, вскочивъ съ своего сидѣнья.

— На, почини и разбей остальные!..

Мастеръ съ жалостью осматривалъ каждую чашку, прежде чѣмъ разбить ее, и многозначительно качалъ головой.

Толпа любопытныхъ дружно смѣялась, а вновь входящіе съ удивленіемъ глядѣли, какъ чинильщикъ билъ посуду.

Желая избавиться отъ этой толпы, готовой стоять и смѣяться здѣсь до самой ночи, я съ переводчикомъ перешелъ площадь и сѣлъ писать этюдъ внутренности киргизскаго чайхана. Назойливая толпа явилась и въ чайханъ, но мой спутникъ уже съ ними не стѣснялся, а выгонялъ нагайкой.

Усталый, съ массой самыхъ пестрыхъ впечатлѣній, я вернулся на нашу квартиру къ вечеру.

Сарты составляютъ смѣшанную расу. Впрочемъ, имя сартовъ чаще всего употребляется для обозначенія не осо-

бой національности, а класса, отличающагося родомъ занятія и обычаями.

Осѣдлые жители городовъ и деревень, за исключеніемъ болѣе развитыхъ таджиковъ, называются сартами, безъ различія происхожденія.

Сартъ.

Когда киргизъ или узбекъ-кочевникъ покидаетъ бродячую жизнь, чтобы поселиться въ городѣ, построить себѣ тамъ домъ и займется торговлей или промышленностью, его дѣти становятся сартами. Сартами же зовутъ и всякаго рода и племени людей — узбековъ, киргизовъ, каракалпаковъ, которые поселились въ пригородныхъ деревняхъ, вокругъ большого города.

Желающій купить въ сартовской лавкѣ долженъ запастись значительной долею терпѣнія. Сартъ страшно любитъ торговаться и запрашивать невозможныя цѣны за товары.

Не столько надежда выторговать лишнюю копейку, сколько самый процессъ торговли кажется для него привлекательнымъ, и вы не можете доставить ему большаго удовольствія, какъ просидѣвъ въ его лавкѣ, за общимъ чаемъ, нѣсколько лишнихъ минутъ. Невольно вспоминается случай, произошедшій съ однимъ нашимъ путешественникомъ, который, подобно всѣмъ пріѣзжающимъ изъ Россіи, тяготился вначалѣ этимъ длиннымъ процессомъ торговли и немедленно уходилъ изъ лавки, какъ только запрашивали несообразную цѣну.

— Постой, тюрк,—кричалъ ему вслѣдъ торговецъ:—спрошу сорокъ, возьми двадцать, только не сейчасъ, а прежде поговоримъ.

И, дѣйствительно, черезъ четверть часа отдалъ товаръ за сходную цѣну.

Прежніе властители страны держали сартовъ въ униженіи, чѣмъ и объясняется характеръ сартовъ—они болт-

ливы, хитры, лицемерны, но въ то же время стремятся къ образованію. Они имѣютъ обыкновеніе сажать вокругъ села деревья, которыя скоро разрастаются въ маленькія рощи.

Каждый грамотный сартъ можетъ быть избранъ въ муллы. Приготовленіе къ этому званію начинается съ ранняго возраста. Лѣтъ десяти мальчикъ сартъ поступаетъ въ школу, гдѣ учится сначала чтенію и письму, а затѣмъ постепенно переходитъ къ изученію молитвъ. Обыкновенно при каждой мечети имѣется школа, въ которой собираются мальчики. Мирза или мулла, обучающій ихъ, не щадитъ ни ушей ни рукъ мальчиковъ, немилосердно дергая или ударяя по нимъ длинной палкой. Необыкновенно терпѣливо переносятъ ученики побои своего учителя и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ аккуратно посѣщаютъ школу. Но вотъ уже мальчикъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, и ему предоставляется право поступить въ медресе. Здѣсь его ожидаетъ уже болѣе широкая работа. Онъ изучаетъ арифметику, богословіе и философію. Его знакомятъ даже съ астрономіей и древней мудростью. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимается такой студентъ въ своемъ медресе подъ руководствомъ опытныхъ и мудрейшихъ изъ муллъ. Если во время лекцій войти въ большое, обыкновенно двухэтажное, зданіе медресе, можно увидѣть такую картину: въ одномъ изъ обширныхъ помѣщеній, въ кружокъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ до сорока чисто одѣтыхъ юношей-студентовъ. У каждаго въ рукахъ открытая книга богословія; обыкновенно полный, съ окладистой сѣдой бородой, сартъ-мулла читаетъ священное писаніе и толкуетъ слушателямъ ученіе пророка. Послѣ окончанія лекцій всѣ ученики встаютъ и расходятся, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могли отвѣтить на вопросы учителя. Они остаются для новой бесѣды.

V.

Вблизи Пишпека, около подножія Александровскаго хребта, расположилось дунганское селеніе. Дунганы—это выходцы изъ Китая. Причиной ихъ выселенія послужило

столкновеніе двухъ религій: буддійской и мусульманской. Борьба приняла особенно напряженный характеръ, когда дунгане-мусульмане собрались подъ знаменами свободы даровитаго Акубъ-бека. Противъ возставшихъ китайское правительство выставило войско, обученное по европейскому образцу, подъ командой извѣстнаго Ли-Хунъ-Чана. Хотя дунгане мужественно вели освободительную войну,

Киргизъ на базарѣ.

отстаивая свои религіозныя убѣжденія, но удержаться сравнительно небольшой группѣ, плохо вооруженной, противъ регулярныхъ китайскихъ войскъ было очень трудно, и въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія дунгане оставили свое отечество и эмигрировали въ Россію, гдѣ нашли радушный пріемъ. Въ настоящее время дунгане

занимаются земледѣліемъ и пользуются хорошей репутаціей, какъ трудолюбивый, честный и обходительный народъ; послѣднее качество особенно рѣдко встрѣчается между туземными жителями Туркестана.

Посреди селенія красуется мечеть, построенная въ китайскомъ стилѣ. Сверхъ обыкновенія, здѣсь минарета *) совсѣмъ не видно, а муэzzинъ призываетъ правовѣрныхъ на молитву прямо изъ дверей. Фасадъ окруженъ галлереями; она заканчивается тонкой кружевной рѣзьбой и поддерживается на рѣзныхъ столбикахъ; вся мечеть раскрашена всевозможными красками, которыя, несмотря на свою пестроту, въ общемъ представляютъ гармоничное цѣлое, пріятно ласкающее зрѣніе. Каждое утро и вечеръ муэzzинъ, открывая рѣзную дверь съ возвышенія, простирая руки къ солнцу, протяжно кричитъ; это славословіе Аллаху, создавшему великое солнце, необъятный міръ.

— Великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ!..

Правовѣрные! Сюда, въ священный храмъ придите и свое славословіе принесите!! Отряхните прахъ съ ногъ вашихъ, оставьте заботы ваши, омойте грѣховный налетъ и придите вознести Аллаху хвалу свою!

Пусть землепашецъ оставитъ плугъ свой, пастухъ стадо и каждый принесетъ молитву свою. Великъ Богъ Аллахъ и Магометъ, его пророкъ!..

Вотъ приблизительное содержаніе воззванія муэzzина къ правовѣрнымъ магометанамъ. Дунгане, одинъ за другимъ, молча входятъ въ мечеть, оставляя при входѣ верхнія туфли, какъ бы дѣйствительно отряхая прахъ земныхъ заботъ. Въ мечети разлитъ полумракъ и царствуетъ тишина, только около ниши въ стѣнѣ слабо мерцаютъ свѣчи, зажженные въ свѣтильникахъ. По толстымъ кошмамъ и коврамъ беззвучно скользятъ фигуры мусульманъ и, падая ницъ, застываютъ на нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи. Тишина торжественная!.. Кажется, эта тишина и есть безсознательное стремленіе души къ небу!..

*) Магометанская церковь называется мечетью; призываются правовѣрные на молитву съ вышки при мечети, въ родъ нашей колокольни и называемой минаретомъ, особымъ священнослужителемъ, который называется муэzzиномъ или муэдзинномъ.

Потомъ мулла старческимъ голосомъ начинаетъ читать молитву на арабскомъ языкѣ, предъ нишей; молящіеся сидятъ на коврикахъ, не шевелясь, и, кажется, они не молятся, а просто пришли сюда отдохнуть душой, отрѣшиться отъ суетнаго міра и провести нѣсколько минутъ въ сладкой дремѣ.

— Аллахъ эзеръ!—раздается восклицаніе изъ ниши, и правовѣрные, какъ одинъ человекъ, падаютъ ницъ, потомъ снова поднимаются и, по приказанію муллы, начинаютъ ворочать головами въ ритмъ—налѣво, направо,—проводить руками по лицу, какъ бы снимая съ него налетъ суеты—прошедшаго дня. Снова муэzzинъ произноситъ возгласъ, на который молящіеся отвѣчаютъ такими-то протяжными звуками; эти звуки, какъ жужжаніе пчелинаго роя, заполняютъ мечеть... Но вотъ молитва кончена; такъ же безшумно скользятъ дунгане къ выходу и, надѣвая туфли, расходятся по домамъ.

Въ оградѣ мечети устроена школа для дунганскихъ дѣтей. Уже за нѣсколько улицъ слышны звонкіе голоса веселой дѣтвоты, собравшейся на занятія. Черномазые, шустрые мальчуганы въ тюбетейкахъ сидѣли вокругъ длиннаго стола, болтая ногами, хоромъ повторяя за муллой-учителемъ слова изъ Корана. Видно, дѣтямъ это занятіе очень нравилось, такъ какъ они усердно старались перекричать одинъ другого. Стоило муллѣ на минуту отлучиться,—рѣзвые мальчуганы, съ крикомъ и смѣхомъ, разсыпались по двору, и тщетно дежурный съ длинной хворостиной бѣгалъ за ними, стараясь загнать въ школу; вдругъ чуткій слухъ уловилъ знакомые шаги муллы,—въ одинъ мигъ всѣ уѣли на мѣста, какъ будто никто и не выбѣгалъ во дворъ. Эта сцена, несмотря на то, что происходила гдѣ-то въ дунганской школѣ, такъ живо напомнила характеръ нашихъ школьниковъ, что я безъ смѣха не могъ смотрѣть на шалуновъ: они сразу стали мнѣ близкими и родными душъ.

Мы познакомились съ учителемъ, который всѣхъ насъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Черезъ нѣсколько дней, въ назначенный часъ, наша компанія отправилась въ дунганскую слободку. Гостей встрѣтилъ добродушный хозяинъ

въ полосатомъ халатѣ и въ ослѣпительно бѣлой чалмѣ. Около него стояли еще трое почтенныхъ дунганъ, въ числѣ которыхъ находился старецъ съ медалью за успѣшное садоводство, полученной имъ на Вѣрненской выставкѣ садоводства. Изъ-за дверей съ любопытствомъ выглядывали жена и дочь хозяина; дѣвушка въ причудливой китайской прическѣ, съ торчащими по сторонамъ шпильками, казалась красивой, и живые узкіе глаза не были лишены своеобразной прелести; она съ лукавымъ видомъ избалованнаго ребенка посматривала на насъ, но, увидя старшихъ, пугливо юркнула за дверь, такъ какъ законъ Магомета не позволяетъ женщинамъ показываться постороннимъ муж-

Жилище дунгана.

чинамъ. Комната, въ которой принималъ насъ дунганскій мулла, довольно большая и свѣтлая, хотя рѣшетчатые окна заклеены вмѣсто стеколъ просаленной бумагой. Почти половина ея занята лежанкой (каномъ), нагрѣваемой со двора печью. Вдоль стѣнъ стояли разноцвѣтные сундуки, надъ ними висѣли рисунки хризантемъ, драконовъ и другихъ предметовъ фантазіи китайскихъ художниковъ, рядомъ висѣли написанныя золотыми буквами изреченія изъ Корана. Полъ былъ устланъ чистыми циновками. Хозяинъ любезно пригласилъ насъ къ столу, который былъ специально поставленъ для насъ, такъ какъ, обыкновенно, дунгане обѣдаютъ на канахъ; самъ онъ, слѣдуя обычаю гостепріимства, сѣлъ въ сторонѣ и не принималъ участія

въ обѣдѣ. Кушанья состояли, главнымъ образомъ, изъ растительныхъ продуктовъ, хотя были и мясные блюда.

— Вотъ это васунъ!—сказалъ переводчикъ, подвигая блюдечко, наполненное чѣмъ-то вродѣ соуса съ кусочками грибовъ; сюда же нужно приправить уксусъ и перецъ, которые входятъ во все кушанія. Затѣмъ стали подавать супы (гуамень) съ лапшей, яйцами и мясомъ. Вообще, всевозможные виды лапши при дунганскомъ столѣ такъ же характерны, какъ у китайцевъ рисъ или чумиза.

Бѣтъ приходилось по-китайски—двумя палочками; мы весело смѣялись надъ своей неловкостью, не умѣя зацѣпить палочками скользкую лапшу. Потомъ слѣдовали другія блюда, оказавшіяся тоже лапшей, но только жиже: ее ѣдятъ изъ чашечекъ, опрокидывая прямо въ ротъ.

— Господа! вы не наѣдайтесь сразу, еще много будетъ кушаній впереди, насъ хотятъ угостить на славу!—заявилъ предусмотрительный приставъ, хорошо знакомый съ мѣстными обычаями. И правда, слуга несъ новыя блюда. Скоро весь столъ былъ заставленъ кушаніями, если не вкусными, то очень красивыми: въ одной чашкѣ ломтики жареной курицы, въ другой маленькіе биточки, залитые яйцами и разрисованные различными красками и проч. Словомъ, всего не перечесть и не съѣшь. Мулла молча распоряжался кивками головы, отдавая приказанія; сколько мы его ни просили раздѣлить съ нами трапезу, онъ наотрѣзъ отказывался, выражая, по ихъ мнѣнію, свою особую воспитанность и тонкую вѣжливость, представивъ свою квартиру, свой столъ всецѣло въ распоряженіе гостей. Дунгане, послѣ принятія магометанства, не употребляютъ хмельныхъ напитковъ—это очень трезвый народъ.

— Все уже!—добродушно заявилъ переводчикъ, когда гости пресыщенными глазами еле дотрогивались до подаваемыхъ кушаній. Перекочевали къ другому низенькому столику, заставленному сладостями самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Какія-то красныя конфеты, въ видѣ шариковъ монпасье, обсыпанныхъ сахаромъ, маковыя лепешки, вареные на меду засахаренные орѣхи и т. д. Гости были

въ веселомъ настроеніи, шуткамъ и остротамъ не было конца, хотя въ горлѣ сильно драло отъ краснаго перца.

VI.

— Сейчасъ прѣдетъ Киндже-Кара!.. — заявилъ намъ мѣстный приставъ, входя въ комнату.

— Киндже-Кара?.. Кто такой? — сыпались изумленные вопросы.

— Киндже-Кара?! Вы не знаете, кто такой Киндже-Кара?—это извѣстный киргизскій пѣвецъ.

Мы все настроились встрѣтить степного баяна и гурьбой высыпали на крыльцо.

На маленькой киргизской лошаdkѣ подѣхалъ киргизъ въ обыкновенной овчинной шубѣ, остроконечной шапкѣ; держа въ рукахъ мѣшокъ, онъ неторопливо слѣзъ съ лошади; послѣдняя покорно остановилась около крыльца и безъ всякой привязи, какъ вѣрная собака, осталась ждать своего хозяина, пока онъ не вернется. Въ комнатѣ Киндже-Кара снялъ свою шапку и остался въ грязной тибеткѣ; это былъ киргизъ среднихъ лѣтъ, характерное скуластое киргизское лицо суживалось къ подбородку, вздернутый маленькій носъ, слезящіеся красные глаза...

Онъ сѣлъ на корточки среди пола и вынулъ изъ мѣшка инструментъ. Это было нѣчто среднее между нашей скрипкой и большой деревянной ложкой съ двумя струнами изъ жилъ; продернувъ смычокъ между струнами, онъ провелъ имъ разъ, другой... Звуки получились частью ноющіе, частью напоминающіе жужжанье мухи, попавшей въ лапы паука. Зашуривъ свои слезящіеся глаза, онъ на минуту задумался, потомъ съежился; кожа лица собралась около глазъ въ цѣлую сѣть морщинокъ. Пѣвецъ извлекаетъ изъ глубины груди звуки. Трудно передать то впечатлѣніе, которое получалось отъ его музыки и пѣнія!.. Это не голосовые звуки въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать у насъ. Это были какіе-то дикіе стоны, завыванія; въ нихъ было что-то сродное съ ревомъ верблюда, ржаньемъ лошади, блеяньемъ овцы; все это подѣ

аккомпаниментъ степного вѣтра, то нѣжнаго, какъ шопотъ травы или шелковистый шелестъ ковыля, то дикаго, бур-

Киндже-Кара, извѣстный киргизскій пѣвецъ.

наго... Даже самая форма звуковъ гортанныхъ, шипящихъ какъ нельзя больше подходила къ музыкѣ. Этотъ пѣвецъ хорошъ только въ степи, въ комнатѣ его пѣніе казалось въ степяхъ Туркестана.

дикимъ и страннымъ. Повидимому, создавая звуки, онъ творилъ и самое содержаніе, варьируя на ту или другую тему киргизскаго народнаго творчества. Очевидно, это былъ настоящий баянъ-пѣвецъ. Во время пѣнія онъ не смотрѣлъ на зрителей; казалось, онъ совсѣмъ забывалъ о присутствіи постороннихъ, и глаза его были подняты вверхъ, какъ будто онъ видѣлъ предъ собою другой міръ. Пѣлъ онъ долго. Переводчикъ перевелъ намъ его пѣсню-былину про знаменитаго героя Акъ-Булу, который играетъ въ народномъ творествѣ киргизовъ такую же роль, какъ у насъ Илья Муромецъ. Языкъ былины образный, изобилующій сравненіями, характеризующими кругъ понятій и требованій киргиза, а потому я считаю нужнымъ привести содержаніе переведеннаго намъ, съ его словъ, Атей-Бекомъ.

Сначала Киндже-Кара пропѣлъ небольшое предисловіе:

„Отъ нагрѣванія олово не будетъ мѣдью;

Кто умѣетъ говорить, тотъ всегда говоритъ съ умомъ“.

Далѣе началась самая пѣсня про Акъ-Булу.

Въ Педжаѣ, по каменистой дорогѣ, среди однихъ могилъ поднялся Акъ-Була на высокую гору. На бѣломъ конѣ, въ бѣлой шубѣ своей скакалъ Акъ-Була; подъ нимъ было кожаное сѣдло съ золотыми бляхами и потникъ; на головѣ его надѣта шапка, шитая серебромъ. Много было у него табуновъ лошадей, много корма для нихъ, много слугъ и храбрыхъ джигитовъ!

Взялъ Акъ-Була еловое копье, на бѣлую ручку бѣлый флагъ навязалъ и на черныхъ калмыковъ съ джигитами поскакалъ... Какъ стоя черныхъ вороновъ разсыпались калмыки по бѣлой степи; бѣлымъ соколомъ погнался за ними Акъ-Була; попрятались калмыки подъ черными кочками. Много Акъ-Була пригналъ табуновъ лошадей саврасыхъ и бѣлыхъ... Бѣлокопытную, сѣдую кобылицу заставилъ онъ привести. Акъ-Була же на вершину высокой горы поднялся. Наверху Элима двѣ дороги. Много храбрыхъ было, но одинъ Акъ-Була остался и на вершину Элима поднялся. Наверху Алтая шесть дорогъ; кругомъ вскачь обѣхалъ Акъ-Була и одинъ на вершину Алтая поднялся. Далѣе Киндже-Кара познакомилъ насъ съ от-

рывкомъ изъ поэмы о Семетей, похожденія котораго являются обширнымъ цикломъ всевозможныхъ былинъ и сказаній; по словамъ Киндже-Кара, эту поэму можно рассказывать сорокъ дней и сорокъ ночей. Въ поэтическомъ отрывкѣ пѣвецъ описываетъ, какъ молодой Семетей искалъ свою невѣсту Ай-Чурекъ, дочь хана Акинъ-Гана.

„На высокую гору Агаяка на вѣрномъ конѣ Тайбурулъ поднимался Семетей. Съ нимъ были два товарища: двѣнадцатилѣтній Куль-Черо и двѣнадцатилѣтній Канъ-Черо.

На лицо Семетей надвинулись черныя тучи: въ городѣ Акинъ-Ганъ сынъ Шигая—Ченкоджу и сынъ Дидерего—Эртолта—вѣроломно убили хана, захватили въ свои руки власть, а прекрасную дочь хана, Ай-Чурекъ, держали въ плѣну. Хороша была Ай-Чурекъ; она свѣтила своей красотой, какъ свѣтитъ луна; она какъ звѣзда сіяла въ шатрѣ. Молва о красотѣ Ай-Чурекъ разлилась широко, какъ снѣговая вода съ вершинъ Алтая, и залила сердце Семетей. Закипѣло, зашипѣло сердце Семетей любовью, какъ сало растопленное. Взоромъ орла окинулъ Семетей широкую степь; вдали, около города Акинъ-Гана, чернѣла шайка всадниковъ.

— Сюда, Куль-Черо и Канъ-Черо!—позвалъ онъ товарищей своихъ.—Возьмите вашихъ коней и скачите въ Акинъ-Ганъ и передайте жителямъ, чтобы они связали арканомъ сына Шигая—Ченкоджу и сына Дидерего—Эртолта и освободили прекрасную дочь хана Ай-Чурекъ, а если они не покорятся волѣ моей, я ихъ всѣхъ перерѣжу, какъ стадо барановъ.

Поскакали двѣнадцатилѣтніе товарищи Семетей—Куль-Черо и Канъ-Черо—въ Акинъ-Ганъ. Змѣей они ползли по щелямъ, орлами летѣли по горамъ; земля подъ ними дрожала, какъ подъ ядромъ, выстрѣленнымъ изъ пушки; лошади летѣли, какъ пули выстрѣленные. Долго ли, коротко ли они ѣхали, кто знаетъ?—Богъ знаетъ. Сотворилъ Богъ все Самъ, Самъ и знаетъ.

Подѣхали они къ рѣкѣ Ченоркочъ. Бурлитъ, кипитъ горная рѣка Ченоркочъ; съ корнями дерева вырываетъ,

а черные камни, величиною въ домъ, по дну какъ песокъ катаеть.

Страшна рѣка Ченоркочъ, и никто не рѣшался переѣзжать черезъ нее. Въ щели около нея отъ страха не водились лисицы, а глубина ея такъ велика, что, если опустить арканъ, то до дна не доставало. Куль-Черо и Канъ-Черо не смотрѣли на это; они не искали удобнаго брода, а прямо бросились въ воду и скрылись изъ глазъ.

Кто знаетъ, гдѣ они показались изъ воды? Богъ знаетъ; Онъ самъ все сотворилъ, Самъ и знаетъ.

Не растерялись Куль-Черо и Канъ-Черо; они змѣей на боку выплыли на другой берегъ; лошади подъ ними дрожали отъ холода, намокли подъ ними сѣдла.

Явились двѣнадцатилѣтніе Куль-Черо и Канъ-Черо къ жителямъ Акинъ-Гана съ требованіемъ Семетей. Испугались жители Акинъ-Гана и перевязали арканами сына Шигая—Ченкоджу и сына Дидерего—Эртолтая.

Ай-Чурекъ въ ту ночь снились вѣщіе сны. Она позвала пять снахъ и сорокъ дѣвицъ.

— Видѣла я сны, кто мнѣ ихъ хорошо объяснить, тому въ награду я дамъ шубу, стоящую сто кобылицъ. Только что заснула я и вижу сонъ: летитъ высоко по небу бѣлый соколъ, величиной съ лошадиную голову, и хватаетъ онъ огромныхъ волковъ, большихъ лисицъ и всякихъ птицъ! Что значитъ этотъ сонъ? Снова заснула я и вижу: два пѣгихъ тигра обходятъ все улицы и дворы Акинъ-Гана, и ни одна собака не лааетъ на нихъ! Что значитъ, дѣвицы, этотъ сонъ? Красивую юрту я поставила около горы, что значитъ этотъ сонъ? Посрединѣ юрты выросъ высокій тополь, который верхушкой задѣвалъ небо,—что значитъ, дѣвицы, этотъ сонъ? Около юрты были два пруда сальные и въ нихъ квакали лягушки, что значитъ этотъ сонъ?

И Ай-Чурекъ, какъ верблюдъ, вытаращила свои глаза на дѣвицъ и снахъ; тогда дѣвицы посмотрѣли на снохъ, а снохи потупили глаза въ землю, какъ будто глазами въ землѣ дыру хотѣли провертѣть. Изъ среды дѣвицъ вышла одна бѣдная дѣвица.

— Ай-Чурекъ, дочь хана Акинъ-Гана, ты видѣла пре-

красные сны! Я ихъ тебѣ могу объяснить. Бѣлый соколъ, величиной съ лошадиную голову, который хваталъ огромныхъ волковъ, большихъ лисицъ и другихъ птицъ, это значитъ—Семетей пріѣдетъ и перехватаетъ твоихъ враговъ. Два пѣгихъ тигра обходили все улицы и дворы: это товарищи Семетей двѣнадцатилѣтніе Канъ-Черо и Куль-Черо. Красивая юрта, посрединѣ которой выросъ высокій тополь и верхушкой касался неба,—это значитъ, тебя, дочь хана Акинъ-Гана, прекрасная Ай-Чурекъ, Семетей возьметъ въ жены, и высоко до неба поднимется слава рода твоего. Два сальныхъ пруда съ квакающими лягушками означаютъ, что въ Акинъ-Ганѣ будетъ Семетей ханомъ и въ это время люди будутъ жить богато и спокойно. Вотъ тебѣ, дочь Акинъ-Гана, Ай-Чурекъ, я объяснила сны, теперь дай обѣщанную шубу, стоящую сто кобылицъ, я надѣну ее.

— На, дѣвица, возьми обѣщанную шубу! Ты хорошо объяснила сны.

Въ это время пріѣхали двѣнадцатилѣтніе товарищи Семетей Куль-Черо и Канъ-Черо.

— Дочь хана Акинъ-Гана, прекрасная Ай-Чурекъ, дай отвѣтъ Семетей, который ждетъ тебя!

— Двѣнадцатилѣтніе товарищи Семетей, Канъ-Черо и Куль-Черо! Слава о храбрости Семетей какъ солнце грѣетъ степь! Передайте ему мой бѣлый платокъ, шитый серебромъ.

Ай-Чурекъ сняла съ головы повязку, и черныя, тонкія косы, какъ змѣи, рассыпались по ея спинѣ. Поскакали двѣнадцатилѣтніе товарищи Семетей Куль-Черо и Канъ-Черо, какъ пули выстрѣленные; подъ ними земля дрожала, какъ подъ ядромъ, изъ пушки выстрѣленномъ. Скоро ли, долго ли они скакали: кто знаетъ?—Богъ знаетъ; Богъ все Самъ создалъ, Самъ и знаетъ.

Ай-Чурекъ приказала снохамъ и дѣвицамъ сложить бѣлую юрту на бѣлую лошадь, которая называлась Бугурчаномъ; потомъ синюю юрту на лошадь, называемую Кокъ-Бурчаномъ, и въ сопровожденіи снохъ и дѣвицъ отправилась на китайскую дорогу ожидать Семетей.

Дочь хана Акинъ-Гана, Ай-Чурекъ, поставила бѣлую юрту на дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Семетей,

около рѣки Ченоркочъ. Въ юртѣ она поставила кровать, сдѣланную изъ золота, протянула дорогія занавѣски. Скоро пріѣхалъ Семетей и женился на дочери хана Акинъ-Гана Ай-Чурекъ; потомъ въ городѣ Акинъ-Ганъ былъ ханомъ, тамъ и скончался ханомъ.

Мы незамѣтно для пѣвца записали былинку объ Акъ-Булѣ на пластинки фонографа. Нужно было видѣть испугъ и удивленіе Киндже-Кара, когда онъ изъ рупора услышалъ свой голосъ. Блѣдный и испуганный, онъ упалъ на землю и началъ корчиться въ какихъ-то конвульсіяхъ...

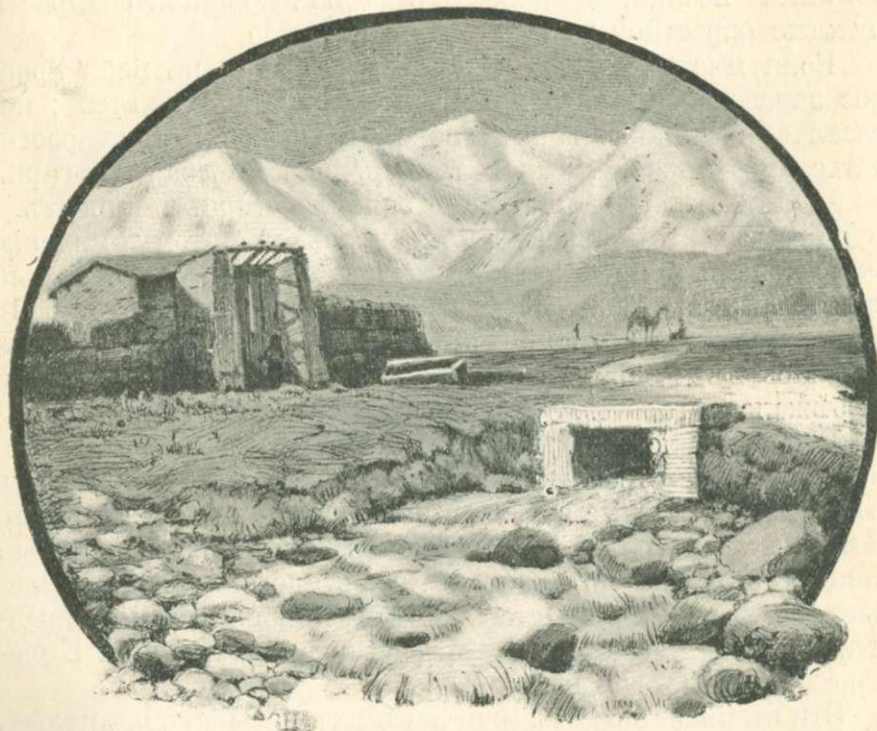
— Шайтанъ! Шайтанъ!.. *)—шепталъ онъ, съ ужасомъ смотря на рупоръ и простирая впередъ руки, какъ бы умоляя о пощадѣ. Атей-Бекъ, нашъ переводчикъ и слуга, едва его успокоилъ и увелъ на кухню, откуда долго слы-

*) Дьяволъ.

шался смѣхъ прислуги. Бѣдный пѣвецъ такъ и уѣхалъ, убѣжденный, что шайтанъ отнял у него голосъ и его пѣсни.

VII.

Наша комната наполнилась баночками со спиртомъ, гдѣ плавали змѣи, черви, ядовитые каракурты, укушенія которыхъ смертельны для верблюдовъ; въ гербаріи появились засушенные растенія, а по стѣнамъ повисли червя

Александровскій хребетъ.

чучела птицъ; мой альбомъ тоже наполнился набросками. Часть товарищей организовала свою экспедицію для изслѣдованія еще мало извѣстнаго Александрійскаго хребта, а я рѣшился отправиться по дѣламъ въ Иркутскъ.

Путь предстоялъ черезъ Вѣрный, Семипалатинскъ, Омскъ и т. д. Во дворъ въѣхали почтовые тройки, звеня своими колокольчиками. Атей-Бекъ суетился и укладывалъ дорожныя вещи.

Опять предстояла безконечная тряска по безграничнымъ степямъ, съ синѣющей далью горъ; опять предъ глазами заплатаанная спина ямщика. За городомъ на пригоркѣ насъ встрѣтило все пишпекское общество съ оркестромъ военной музыки. Мы выѣздили изъ тарантасовъ и, разостлавъ бурки, расположились въ кружокъ. Хлопнули пробки шампанскаго, произнесены тосты и прощальный маршъ... И пишпекенцы остались позади, далекіе отъ цивилизованнаго міра и чуждые окрестному населенію...

Кони мчатся быстро. Смеркается. Вдали на небѣ красное зарево зловѣщимъ отблескомъ ложится на степь; показалась узкая, огненная полоска, которая стала разгораться все ярче и ярче; вѣтерокъ доносилъ запахъ гари.

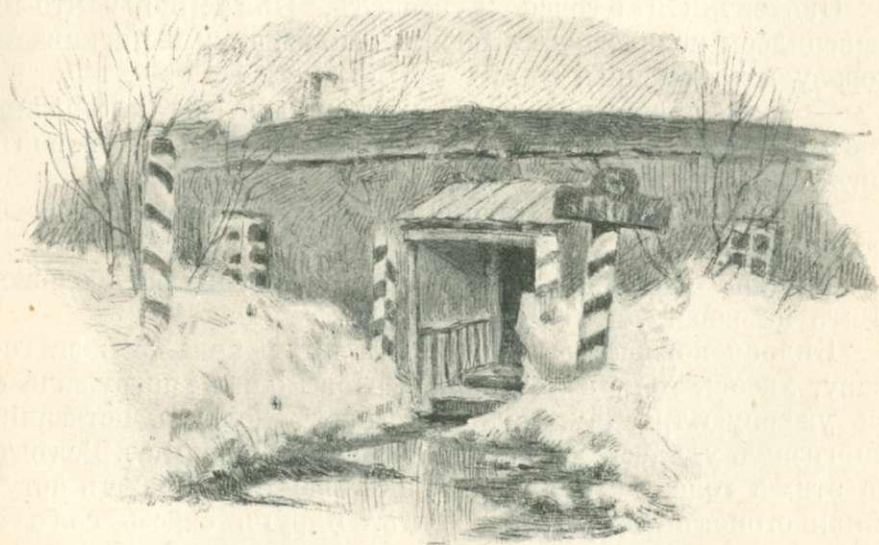
— Пожаръ!..—равнодушно заявилъ ямщикъ-киргизъ.

Но не такъ спокойно относилась къ этому явленію окружающая природа: изъ камышей слышался тревожный крикъ утокъ; пронеслось въ противоположную сторону стадо журавлей; на нашихъ глазахъ огненная полоска разгорѣлась въ чудовищное море огня; огненными змѣями разбѣжался огонь по сухому камышу, пылающими мотыльками поднимался съ густымъ дымомъ на небо. Въ сторонѣ высокіе стебельки камыша какъ бы замерли отъ страха, но огненные языки минули ихъ снизу—вздрагнули камыши и съ трескомъ повалились въ огонь. Испуганный заяцъ бѣжитъ въ сторону, но огонь догоняетъ и обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ. Дымъ ѣстъ глаза; привычныя почтовые лошади тревожно фыркаютъ, храпятъ и быстро мчатся по дорогѣ.

Эти степные пожары, или, какъ ихъ называютъ, „палы“, устраиваются нарочно, ранней весной, для того, чтобы сжечь прошлогоднія сухія травы и бурьяны, который мѣшаетъ молодой травкѣ расти; открытая для солнечныхъ лучей, удобренная пепломъ степь даетъ хорошую, свѣжую растительность. Скоро показалась рѣка Чу, та знаменитая Чу, которая была причиной смерти Пржевальскаго: не

напейся ея гнилой воды, кто знаетъ, что бы еще сдѣлалъ въ области научныхъ открытій знаменитый изслѣдователь Средней Азіи. Недалеко отъ Каракола, на берегу озера Иссыкъ-Куля, пріютилась его могила. Завернуть бы въ сторону и поклониться священной могилѣ! но почтовый тарантасъ не свернетъ отъ почтоваго тракта. Я заглянулъ внизъ съ моста—темная зловѣщая вода враждебно смотрѣла на меня.

Далѣе, за рѣкой Чу, начинается подъемъ на перевалъ

Почтовая станція зимою.

Курдай. Какая разница—тамъ внизу мы оставили уже весну: цвѣтутъ подснежники, щебечутъ птицы, а здѣсь—разстилается снѣжная равнина кругомъ да бушуетъ леденящій вѣтеръ. Лошади едва-едва втаскивали тарантасъ на высокую гору.

Атей-Бекъ безмятежно спалъ, закутавшись въ бурку. Порой, ударившись о спинку, онъ просыпался, обводилъ съ просонья глупымъ взглядомъ кибитку и снова начиналъ дѣлать произвольныя движенія. Спустившись съ Курдая, мы попали въ полосу дождя; тарантасъ промокъ

сверху и отъ сотрясенія сбрасывалъ крупныя, холодныя капли на наши головы. Атей-Бекъ все спалъ... Охъ, ужъ этотъ Атей-Бекъ!.. Это типичный сынъ Азіи — лѣнь и апатія отличительныя черты его характера, его мозги находятся въ дремотномъ состояніи, и нуженъ сильный внѣшній толчекъ, чтобы заставить его мыслить; ничего-недѣланіе—самая завѣтная мечта его жизни, а сонъ—ея красота.

Къ вечеру мы добрались до какой-то станціи. Въ комнатѣ собрались на ночлегъ проѣзжающіе—появились обычные карты, анекдоты, шутки...

Отъ скуки я одѣлся и вышелъ. Въ темнотѣ что-то шевелилось недалеко отъ порога: это ямщики вытаскивали корову изъ трясины.

— Тутъ самое проклятое мѣсто; сюда бы каторжниковъ ссылатъ, а не заставлятъ людей служить!—говорилъ мнѣ староста.

— Только вчера вытащили лошадь, а сегодня корова попалась!

Трясина подходила къ самой станціи и тянулась больше, чѣмъ на версту.

Бѣдная корова молчала: ее зацѣпили арканомъ за голову, хвостъ и приподнимали, но она опять погружалась въ ужасную трясины. Наконецъ, послѣ долгихъ истязаній киргизамъ удалось освободить несчастное животное. Вслѣдъ за этимъ голоса стихли, и въ помѣщеніи ямщиковъ потушили огонекъ. Скоро я заснулъ. Вдругъ сквозь сонъ я чувствую: меня лизнуло что-то сырое, липкое... Я открылъ глаза—слышу чье-то дыханье; что-то тяжелое, кошмарное!.. Леденящій ужасъ сковалъ мой ротъ; не отдавая отчета, я протянулъ руку—какая-то шерсть!..

Я отчаянно закричалъ. Моментально всѣ повскакивали съ постелей, поднялся шумъ, зажгли лампу... Предъ изумленными зрителями была корова, та самая корова, которую вечеромъ тащили изъ трясины; она вошла въ полуоткрытую дверь и начала обнюхивать мою кровать.

Скоро всѣ оправались отъ испуга—съ веселымъ хохотомъ выпроводили ночную гостью за двери, но сонъ уже былъ нарушенъ: начались разговоры и заснули только къ утру.

VIII.

На разсвѣтѣ двинулись дальше. Восходящее солнце серебрило снѣжныя вершины Илійскаго Алатау — высокій хребетъ, который тянется до самаго города Вѣрнаго.

— Атей-Бекъ, ты опять спишь? Атей-Бекъ!.. — толкаю я киргиза, стараясь разбудить; его сонъ удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на душу.

Атей-Бекъ что-то бурчитъ и снова, раскачиваясь, засыпаетъ.

— Нѣтъ, ты не спи! Атей-Бекъ, ты былъ на этихъ горахъ?

Могила мусульманскаго святого.

Киргизъ взглянулъ на меня заспанными глазами и недовольнымъ голосомъ промычалъ:—Былъ!—и онъ снова хотѣлъ погрузиться въ нирвану.

— Довольно спать, Расскажи что-нибудь про горы!..

Атей-Бекъ протеръ кулакомъ глаза, носъ и послѣ началъ:

— Тамъ на горахъ много растетъ сосна и елка; видѣлъ на станціи бревна? ну, все это сверху. Везли мы

съ товарищемъ бревна, а на горахъ снѣгъ большой; товарищъ не могъ удержать лошади, покотился и разбился. Привезъ я его въ Вѣрный, докторъ говоритъ: мертвый! Да, тамъ много людей убилося, ай, сколько!

Тутъ Атей-Бекъ хотѣлъ было прекратить разговоръ и опять погрузиться въ сонъ, но, встрѣтивъ мой сердитый взглядъ, приподнялся и сталъ продолжать:

— А видишь, вотъ кладбище?!—указалъ онъ рукой на киргизскія могилы, которыя поднимались на небольшомъ возвышеніи; посрединѣ стоялъ небольшой глиняный мавзолей, вродѣ нашей часовни, построенный на могилѣ магометанскаго святого; кругомъ узорчатая ограда, искусно вытѣпленная изъ глины.

— Но что ты смотришь на меня такъ сердито? Я больше не сплю!.. Ну... Кара-киргизъ и казакъ-киргизъ всегда дерутся между собой. Одинъ казакъ-киргизъ, его звали Сарыбай, ходилъ въ горы, а его поймала четыре кара-киргизъ и покаралъ. Прибѣжалъ Сарыбай домой и кричить: ой, меня зарѣзали!.. упалъ и умеръ. Тогда было возстаніе казаковъ-киргизовъ — смотри, сколько могилъ! Видишь?—обратился ко мнѣ Атей-Бекъ, показывая на могилы.—Казакъ-киргизъ сдѣлалъ Сарыбая святымъ и часовню бѣлую ему поставили!

Вѣтеръ жалобно завывалъ въ пустыхъ сводахъ мавзолея и со свистомъ бросался въ окна и въ сорвавшіеся съ петель двери... Кругомъ пустыня. Было жутко... Такія киргизскія кладбища, съ маленькими мечетями посрединѣ, встрѣчаются довольно часто и еще болѣе безотрадными дѣлаютъ окружающія степи. Скоро показалась деревня, въ которой родился Атей-Бекъ. Я удивлялся его равнодушію и спокойствію, съ какимъ онъ глядѣлъ на родныя мѣста; ни одно чувство родственной привязанности не промелькнуло въ его маленькихъ, узенькихъ глазахъ; ни одно воспоминаніе не освѣтило его лица. Онъ завернулся въ одѣяло и лежалъ съ закрытыми глазами.

— Неужели тебѣ непріятно смотрѣть на эти дома, на эти горы?

— Да, пріятно! — равнодушно отвѣтилъ онъ; что-то

въ родѣ улыбки проскользнуло на его лицѣ; онъ протеръ сонные глаза и высунулся изъ кибитки.

Атей-Бекъ.

— Это—домъ моего отца! вонъ онъ во дворѣ! Видишь старика? Это мой отецъ!

Тройка промчалась мимо, и Атей-Бекъ снова улегся на

подушки. Вблизи была станція. Въ ожиданіи лошадей Атей-Бекъ безцѣльно возился около тарантаса.

— Развѣ ты не пойдешь къ отцу? Вѣдь здѣсь близко!..

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Зачѣмъ?! Да и грязно! Пожалуй, намочу сапоги—будетъ холодно ѣхать!..

IX.

Подъ Вѣрнымъ намъ попались гимназисты-охотники, отправляющіеся верхомъ въ горы за дичью.

Вѣрный—главный городъ Семирѣченской области; здѣсь мужская и женская гимназіи, небольшой музей, нѣсколько фабрикъ и заводовъ. Улицы его благоустроены, всюду раскинуты скверы и бульвары, что очень краситъ городъ съ внѣшней стороны, хотя дома одноэтажные и деревянные, такъ какъ этотъ городъ подверженъ землетрясеніямъ. Содержатель довольно приличной гостиницы разсказалъ намъ кое-что о землетрясеніи, бывшемъ въ 1887 г. Его разсказъ, какъ очевидца, я записалъ:

— Это было рано утромъ, всѣ еще спали. Вдругъ страшный толчокъ разбудилъ насъ; все качнулось и посыпалось... рухнули стѣны, потолки! Пыль поднялась отъ сухой глины такая, что дышать было трудно, будто дымъ на пожарѣ. Едва успѣли выбѣжать изъ домовъ, да и то не всѣ. Раньше дома строились двухэтажные, стѣны-то глинобитныя, все такъ и рассыпалось. Помню, какъ ударило въ первый разъ, у насъ стѣнка на улицу вся и вывалилась; жена съ испуга подъ кровать забилась, а когда ударило во второй разъ, такъ и перекаатило ее поверхъ кирпичей прямо на улицу, еле жива осталась! Паника наступила ужасная. Перепуганные жители, блѣдные, въ одномъ бѣльѣ, метались изъ стороны въ сторону. Крикъ, стонъ! Тамъ ребенка засыпало землей—мать голосить, тамъ отца пришибло. Много было жертвъ! Бросились всѣ изъ города въ юрты къ киргизамъ; что вы скажете, двадцать рублей въ мѣсяцъ за юрту платили,—цѣна неслышанная! Городескимъ совѣтомъ тогда порѣшили уйти от-

сюда, перенести городъ въ другое мѣсто, а какъ пріутихло немного, снова стали возвращаться въ уцѣлѣвшіе дома. Чиновниковъ правительство удержало, увеличивъ имъ оклады жалованья, давъ пособія. А какъ дешевы зато стали земли послѣ катастрофы! всякій старался убѣжать, за усадьбу съ домомъ сто рублей брали, лишь бы сбыть, и то никто не хотѣлъ покупать! Ну, а теперь посмотрите!..

Дѣйствительно, теперь Вѣрный выглядит бодрымъ, жизнерадостнымъ и вполне благоустроеннымъ городомъ. Памятникомъ ужасной катастрофы служитъ лишь часовня, сооруженная на одной изъ главныхъ улицъ; здѣсь постоянно можно найти молящихся и затепленные свѣчи.

На окраинѣ и даже въ самомъ городѣ—цѣлая сѣть арыковъ *), сбѣгающихъ по улицамъ и теряющихся въ окрестностяхъ. Эти арыки питаются изъ рѣчки Алматинки, берущей начало на снѣжныхъ вершинахъ Алатау. Хороши эти горныя рѣчки, онѣ совсѣмъ не похожи на наши спокойныя, уравниваемые воды равнинъ. Онѣ кипятъ, бурлятъ и падаютъ съ камня на камень; сердито пѣются при неожиданныхъ препятствіяхъ, которыя въ большомъ количествѣ разбросаны по склонамъ. Рѣчка побѣждаетъ эти препятствія, падая каскадами, и стремительно бѣжитъ дальше. Вода постепенно подтачиваетъ громады, властно увлекаетъ камни внизъ, шлифуя ихъ поверхность. Сколько тутъ движенія, побѣдной пѣсни, сколько смѣлой, кипучей мысли!.. Эта журчащая музыка заполняетъ Вѣрный и дѣлаетъ его удивительно красивымъ. Въ самомъ городѣ и въ его окрестностяхъ, по ауламъ и казацкимъ станицамъ, разведено много фруктовыхъ садовъ; особенно хорошо родятся здѣсь яблоки, очень крупныя и сладкія на вкусъ. Къ городу примыкаетъ дунганская слободка съ мечетями и большой торговой улицей. Тутъ между чайханами **) пріютилась и дунганская баня. Насъ заинтересовало ея устройство, и мы попросили осмотрѣть ее.

— Мѣжно, иди сюда!—проговорилъ хозяинъ, оставивъ намыленную и наполовину выбритую голову киргиза; кир-

*) Арыки—канавки изъ рѣчекъ, для орошенія садовъ и полей.

**) Чайхане—чайная, трактиръ.

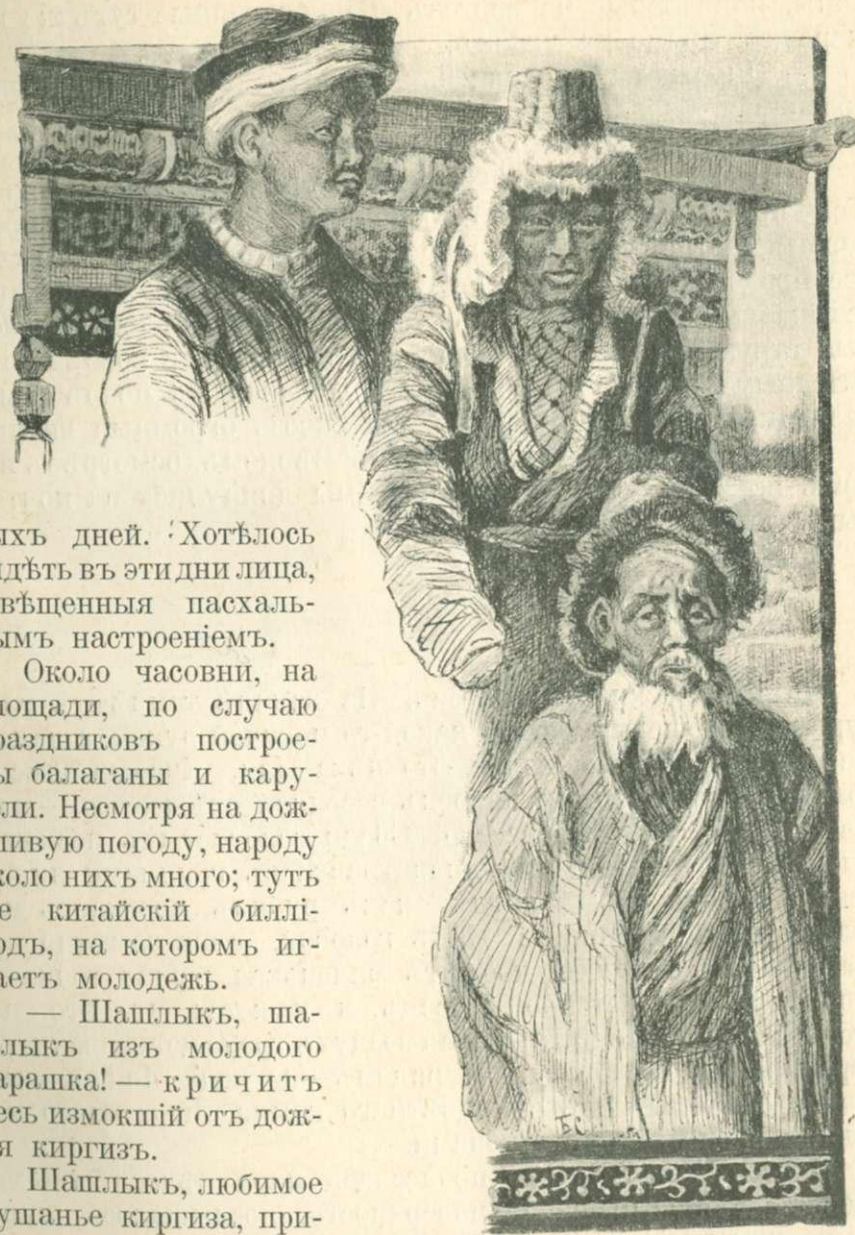
гизъ, наклонивъ голову, покорно ждалъ на улицѣ, когда цирюльникъ вернется окончить свою операцію.

Откинувъ легкую занавѣску, отдѣляющую баню отъ улицы, мы вошли въ темное помѣщеніе; легкими перегородками оно раздѣлялось на три крошечныя каморки, въ которыхъ можно только стоять; вверху надъ этими каморками проходила труба, согрѣвающая ихъ. Около входной двери былъ вмазанъ огромный котелъ, гдѣ кипятятъ воду; вверху на жердочкахъ висѣли ведра и сушилось грязное тряпье, тутъ же стираемое посѣтителями. Помывшись, мусульмане пьютъ у того же хозяина чай, рядомъ, въ чайханѣ. Грязная вода изъ бани стекаетъ въ арыкъ, но это не мѣшаетъ сосѣдямъ, живущимъ ниже, употреблять ее для питья.

На перекресткахъ улицъ, прямо на землѣ, сидятъ группы дунганъ, играющихъ въ карты. Карты у нихъ длинныя, узкія, по рисунку нѣсколько напоминаютъ наши; ихъ не сдаютъ, а играющіе берутъ поочередно изъ разложенной колоды.

На другомъ перекресткѣ сражаются въ шашки. На землѣ начерчены клѣтки, въ которыхъ, черезъ одну, лежатъ китайскія монеты и кусочки красного кирпича. Надъ этимъ художествомъ сидятъ человекъ пять съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица; иногда они сосредоточенно перекладываютъ кирпичики на новое мѣсто, а монеты себѣ въ карманъ. Возлѣ нихъ вертится мальчуганъ съ корзиной, наполненной вареной горячей картошкой. Дунгане, увлеченные азартной игрой, сидятъ съ утра до позднего вечера и покупаютъ картошку, чтобы подкрѣпить свои силы. Изъ лакомствъ здѣсь продаютъ такъ называемую „подошву“: она имѣетъ видъ растянутой кожи, коричневаго цвѣта, и напоминаетъ настоящую подошву. Приготавливается она изъ кислыхъ фруктовъ на бараньемъ салтѣ. На вкусъ подошва очень кисла, но дунгане и киргизы смакуютъ ее съ удовольствіемъ, вытаскивая по кусочку изъ-за пазухи.

Но довольно бродить среди азіатскихъ жителей, которымъ были чужды переживанія праздничныхъ пасхаль-

ныхъ дней. Хотѣлось видѣть въ эти дни лица, освѣщенные пасхальнымъ настроеніемъ.

Около часовни, на площади, по случаю праздниковъ построены балаганы и карусели. Несмотря на дождливую погоду, народу около нихъ много; тутъ же китайскій билліардъ, на которомъ играетъ молодежь.

— Шашлыкъ, шашлыкъ изъ молодого барашка! — кричитъ весь измокшій отъ дождя киргизъ.

Шашлыкъ, любимое кушанье киргиза, пришелся по вкусу и русскому населенію; это — кусочки молодой баранины.

Типы киргизовъ.

нины, нанизанные на вертелъ и поджаренные тутъ же на жаровнѣ, прямо на угляхъ.

— Пирожки горяченькіе!..—вторить ему, будто передразнивая, баба.

Публика тѣснится около театра.

— Заходи, заходи!.. Сейчасъ начинается представленіе! —приглашаетъ бритый господинъ, состоящій антрепренеромъ, артистомъ и капельдинеромъ этого театра. Дождь все продолжаетъ лить. Петрушка пискливымъ голосомъ зазываетъ въ балаганы, съ его лица льются бѣлыя и красныя струи красокъ, дѣлающія его жалкимъ и совсѣмъ не смѣшнымъ; дождь не оставляетъ публику въ покоѣ и въ балаганахъ—онъ струями льется сквозь огромныя щели.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Вѣрномъ, осмотрѣвъ въ немъ все, что было интереснаго, мы двинулись на почтовыхъ дальше.

X.

Широко раскинулась степь. На западѣ темнѣютъ три кургана, брошенные сюда какой-то могучей рукой, а дальше синѣетъ полоска воды—это рѣка Или. Хорошо здѣсь, воздухъ прозраченъ и напоенъ весенней свѣжестью,—дышать легко, смотрѣть весело! Среди золотистыхъ песковъ выбивается нѣжно-изумрудная травка съ группами лиловенькихъ ирисовъ; кое-гдѣ, какъ рубинъ, сверкаетъ на солнцѣ алый тюльпанъ. Надъ головой, едва замѣтно въ прозрачномъ воздухѣ, дрожитъ маленькая черная точка—это жаворонокъ, степной пѣвецъ, и кажется, что это не его трели раздаются, а самый воздухъ трепещетъ, звенитъ, переливается серебромъ. И рядомъ—не вода Или, а сказочное ожерелье изъ самоцвѣтнаго камня, играющаго на солнцѣ своими синими тонами.

Надъ головой плавно пронеслась пара бѣлоснѣжныхъ лебедей и опустилась на поверхность, послышалось шуршаніе камышей и всплескъ воды... Какъ все красиво! Въ сторонѣ, около камышей, важно стоитъ журавль, расхаживаютъ куропатки; по небу несутся стаи утокъ, гусей. Вся

поверхность Или покрыта кругами, расходящимися отъ всплеска рыбы, которая часто выбрасывается вверхъ, сверкая на солнцѣ своею чешуей. Вообще въ Или много рыбы; между прочимъ водится рыба-маринка, икра которой ядовита.

Весенній воздухъ опьянялъ, голова кружилась отъ усталости, а тѣло ныло отъ толчковъ почтового тарантаса. Насилу мы дотащились до Алтынъ-Немельской станціи. Въ надеждѣ найти натуру, я отправился къ юртамъ, раски-

Верблюды на отдыхѣ въ степи.

нутымъ недалеко въ степи. Я удачно попалъ на семейное торжество,—киргизы праздновали рожденіе сына. Нѣсколько почтенныхъ киргизовъ сидѣли вокругъ громадной чашки и ѣли жирный плавъ. При видѣ меня, они сейчасъ же очистили мѣсто и предложили выпить бузы.

— Пей, якши *) буза!—угощали повеселѣвшіе киргизы. Я попробовалъ сѣро-бурую жидкость, на видъ она была мало привлекательна, на вкусъ нѣсколько лучше.

*) Якши—хорошій.

Буза — киргизскій напитокъ, варится изъ проса; онъ дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ, что и было замѣтно по окружающимъ лицамъ. Киргизы смѣялись; красныя фізіономіи такъ и лоснились отъ пота и жира; по временамъ они безсмысленно схватывались, били въ ладоши, гикали и снова продолжали тянуть бузу.

По киргизскому обычаю, при рожденіи сына въ юрту собирается человѣкъ двадцать киргизовъ и придумываютъ имя новорожденному, а если дѣвочка, то сходятся двадцать старухъ. Авторъ лучшаго имени получаетъ въ награду барана или платъе. Затѣмъ призываютъ муллу; тотъ записываетъ имя, произноситъ молитвы и поздравляетъ родныхъ; тогда-то и начинается самое торжество. Всѣ садятся въ кружокъ, ѣдятъ барана, безъ котораго не обходится ни одно торжество, пьютъ бузу. Когда мальчикъ подрастетъ, его отдаютъ учиться муллѣ, а дѣвочку — старой грамотной женщиной — снахѣ. Учатъ ихъ молитвамъ и арабской грамотѣ. Послѣ школы, мальчикъ начинаетъ помогать отцу: собираетъ кизякъ, пасетъ табуны; тогда же отецъ намѣчаетъ ему невѣсту и начинаетъ собирать „калымъ“:

Калымъ, выкупъ за невѣсту, собирается долго: за хорошую невѣсту нужно заплатить головъ восемьдесятъ скота, а то и больше, при чемъ часто случается, что, получивъ калымъ, отецъ еще не отдаетъ невѣсту, а требуетъ еще скота; тогда прибѣгаютъ къ кражѣ невѣсты, т. е. нѣсколько человѣкъ джигитовъ, вмѣстѣ съ женихомъ, нападаютъ неожиданно на домъ отца и увозятъ невѣсту, при чемъ калымъ не трогаютъ. Самая свадьба тоже сопровождается празднествомъ, при чемъ устраиваются всевозможныя игры, изъ которыхъ интересна „бойга“. Отецъ жениха бросаетъ въ кучку джигитовъ зарѣзаннаго козла, первый успѣвшій схватить его мчится на лошади по степи, за нимъ гонятся остальные джигиты, стараясь вырвать добычу изъ рукъ; побѣдитель является героемъ торжества.

XI.

На утро похолодѣло; снѣгъ покрылъ пушистымъ слоемъ плоскія крыши киргизскихъ землянокъ, красиво распушился на верху тарантаса, на облучкѣ, на спицахъ колесъ и скрылъ подъ собою чудовищную грязь въ воротахъ станціи. Ямщики, въ запущенныхъ армякахъ, не торопясь мазали колеса дегтемъ и запрягали коней, звеня колокольчиками.

Предстояло перевалить высокія горы, а это, въ подобную погоду, довольно опасно. Дорога все время шла въ гору; впередъ подвигались медленно.

— Скоро кончится подъемъ?

— Скоро, баринъ, видишь, столбы кончаются — тамъ налѣво заѣзжать будемъ!

— А когда въ Царицынскую пріѣдемъ?

— Дастъ Богъ, къ вечеру!

Экипажи стали подниматься на холмъ; впереди и кругомъ ничего не видно, — все скрывалось за туманомъ и снѣгомъ.

— Ну, потихоньку!.. — умоляю я киргиза, схватываясь за бока при каждомъ толчкѣ.

— Якши!.. — бормочетъ ямщикъ, весь засыпанный мелкой порошей.

Лошадкамъ приходилось плохо; вдругъ вѣтеръ прервалъ завѣсу тумановъ и нависшихъ облаковъ, и на небѣ отчетливо обрисовались снѣжныя вершины дивной красоты. Я изумился отъ такой пріятной неожиданности, но скоро мои восторги разсѣялись: снова спустились густые туманы и сдѣлалось темно; въ нѣсколькихъ шагахъ не было видно ни зги; поднялся сильный буранъ. Снѣгъ сыпалъ и залѣплялъ глаза; мы остановились, чтобы дать возможность немного отдохнуть лошадямъ. Ямщики начали тревожно переговариваться между собой на киргизскомъ языкѣ; передній остановилъ свою тройку, слѣзъ съ козелъ и побрелъ впередъ.

— Буранъ большой!.. Впереди — пропасть; ѣхать нельзя!.. — категорически заявилъ онъ, возвратясь.

— Такъ что же дѣлать?

— Ночевать будемъ, баринъ, ты себѣ спи...

Спи!.. Это звучало бы, по меньшей мѣрѣ, насмѣшкой, если бы это говорилъ не киргизъ, который, дѣйствительно, вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ могъ спать.

Не торопясь, они выпрягли коней и поставили ихъ около тарантасовъ, въ защитѣ отъ вѣтра. Наступала ночь. Мы забились въ глубь тарантасовъ, закутались въ бурки и сидѣли молча, боясь взглянуть на то, что творилось кругомъ. Буранъ съ яростью бушевалъ въ горахъ, вѣтеръ съ дикимъ свистомъ и хохотомъ проносился мимо и, казалось, вотъ онъ сейчасъ подхватить, какъ перышко, тарантасъ и увлечетъ въ пропасть.

Жутко!.. Холодно!..

Около насъ насыпало огромные сугробы снѣга. Только предъ разсвѣтомъ буря понемногу стала стихать; въ зеленоватомъ небѣ проглянулъ мѣсяцъ. Засыпанные снѣгомъ ямщики первые зашевелились около промерзшихъ лошадей и, откидывая сугробы, принялись запрягать. Бхать безъ дороги было трудно и опасно; лошади часто проваливались въ ямы и сугробы, но кое-какъ мы выбрались къ телеграфнымъ столбамъ. На спускахъ приходилось тормозить эки-

пажи и, наконецъ, утромъ, часовъ въ девять, мы, усталые и голодные, добрались до Царицынскаго пикета. Всѣ единодушно рѣшили остаться здѣсь на сутки, чтобы от-

дохнуть послѣ такого путешествія. Внизу, въ большомъ ущеліи, гдѣ пріютилась Царицынская станція, сухо и тепло. Около станціи протекаетъ рѣка Кокъ-су (зеленая вода). Теперь праздники, и поэтому жители вышли повеселиться на берегъ; казачки, въ нарядныхъ пестрыхъ платьяхъ, шелковыхъ платкахъ, разсѣлись на бревнахъ, грызутъ съмечки и тянутъ пѣсню; парни и дѣвушки качаются на качеляхъ, весело взвизгиваютъ, а по дорогѣ танцуютъ подъ разудалые звуки гармоникки пьяные казаки. Впрочемъ, все это мало интересовало насъ, такъ какъ мы чувствовали себя совершенно разбитыми. Такъ, мы отъ станціи до станціи, отъ горы до горы дотащились перемѣннымъ аллюромъ до уѣзднаго города Копала. Этотъ городъ, расположенный у подножія горной цѣпи Каранынъ-Тау, не представляетъ ничего интереснаго. Названіе его почему-то связано съ именемъ чорта; здѣсь говорятъ, что „чортъ копалъ, копалъ, пальцы поломалъ, а выкопалъ этотъ Копаль; улицы хвостомъ планировалъ, отчего онѣ вышли кривыя и узкія“.

Недалеко отъ города есть курортъ Арасанъ, который нѣкогда славился своими горячими, цѣлебными водами, но теперь совершенно заброшенъ.

Съ грустнымъ чувствомъ бродилъ я по заброшенному парку. Солнышко уже довольно сильно пригрѣвало землю; на заброшенныхъ куртинахъ, сквозь прошлогодній сухой бурьянъ, проглядывала нѣжная зеленая травка; кое-гдѣ пробивались голубые, чистые какъ слеза, цвѣты пролѣсковъ. По аллеямъ рядами тянулись чахлыя деревца, будто посаженные сюда на выздоровленіе: нѣжныя, хрупкія; полюбить ихъ могутъ только больные.

Вѣтеръ жалобно шелеститъ прошлогодними листьями, въ воздухѣ разлито теплое дыханіе весны.. Около полуразвалившагося стараго дома въ живописномъ безпорядкѣ валяются балки, сломанная лѣстница, груды кирпича. Старушка, живущая здѣсь, говоритъ: „Были какіе-то господа, посмотрѣли, записали, а ремонту все нѣтъ!“

— А пріѣзжаютъ больные лѣчиться?

— Бываютъ, да немного,—такъ два-три въ лѣто! Гдѣ

тутъ жить, когда потолки завалились, полы попорчены, а въ ваннахъ, того и гляди, сверху убьетъ кирпичемъ!

Съ грустными думами побрелъ я на станцію.

Утромъ, отъѣзжая отъ Арасана, я оглянулся назадъ: ку-

Мечеть около Копала. — Киргизъ. — Часть зданія курорта „Арасанъ“.

портъ смотрѣлъ такъ уныло, такъ печально сквозь обнаженный садъ.

Скоро намъ пришлось переѣзжать черезъ скалистый кряжъ, который былъ виденъ изъ Арасана синей зубчатой полосой. Что за чудныя картины открылись передъ нашими глазами наверху, мы и не ожидали! Что за причудливыя формы скалъ! Какая разнообразная окраска! Здѣсь съ горы откололась громадная глыба съ зубчатыми краями, а тутъ торчитъ цѣлая колокольня съ острымъ верхомъ, въ другомъ мѣстѣ нависли слоистыя громады, зеленныя, синія, желтыя! Я смотрю на все очарованными глазами: подобнаго разнообразія тоновъ я еще не встрѣчалъ въ природѣ. На нѣкоторыхъ плитахъ довольно грубо красовались надписи проѣзжающихъ, сдѣланныя не красками, какъ это часто можно встрѣтить въ южныхъ курортахъ Россіи, а прямо дегтемъ отъ колесъ, вродѣ: „Желаю вамъ счастливаго пути“ и рядомъ: „Что ты, Богъ съ тобой...“

Въ одномъ мѣстѣ горная рѣчка пробила скалу и образовала правильные своды; она красивыми каскадами разбивалась на тысячи брызгъ и прозрачными струями бѣжала внизъ. Наверху, въ скалахъ, ютились горныя ястреба, орлы; по бокамъ дороги, въ камняхъ, ворковали горлинки, въ расщелинахъ пищали горныя курочки.

— Ну, тутъ, баринъ, Егорка-то кончается, а увидите Степу! — шутилъ ямщикъ, подразумѣвая по созвучію словъ подъ Егоркой — горы, а подъ Степой — степь. Кстати сказать, онъ былъ большой любитель косогоровъ, откосовъ и, вѣроятно, страдалъ водобоязнью, такъ какъ все время царапался по скаламъ, чтобы объѣхать небольшія лужи.

Эта тряска дѣйствовала мучительно, и я былъ радъ, что горы кончаются. Съ высоты степь казалась совершенно ровной, но, въ сущности, она состояла изъ маленькихъ холмовъ, ложбинъ, часто съ солончаковой почвой. На днѣ ложбинъ тянулись камыши и болота, гдѣ водится масса дикихъ утокъ, гусей и другой дичи.

— А кабаны здѣсь попадаютъ?

— И сколько ихъ! какъ у киргизовъ барановъ! Да

вонъ промелькнулъ!—указалъ ямщикъ кнутомъ по направлению къ камышамъ, гдѣ слышалось шуршанье и трескъ.

Вдоль дороги все чаще и гуще тянулись камыши и заросли, немудрено, что въ этихъ дебряхъ водится много дичи и звѣрья. Такой характеръ мѣстности простирается до озера Балкаша, около котораго, въ непроходимыхъ камышахъ, водятся даже тигры.

Когда мы поднялись на высокій холмъ, на горизонтѣ можно было отчетливо разглядѣть длинную, блестящую на солнцѣ, полосу Балахаша. Вечеромъ, на станціи, намъ удалось попробовать окорокъ дикаго кабана—мясо съ острымъ вкусомъ, но пріятное!

XII.

Мы медленно подвигались на сѣверъ, но еще медленнѣе двигалась весна... Правда, солнце и здѣсь начинало пригрѣвать, и бѣлая пелена снѣговъ стала грязнѣть, громадные сугробы, которые сравнивали дома съ улицей, разрыхлѣли; на поляхъ уже обозначались проталинки, дорога порывѣла, явились зазоры. Съ горъ бѣжали мутные потоки.

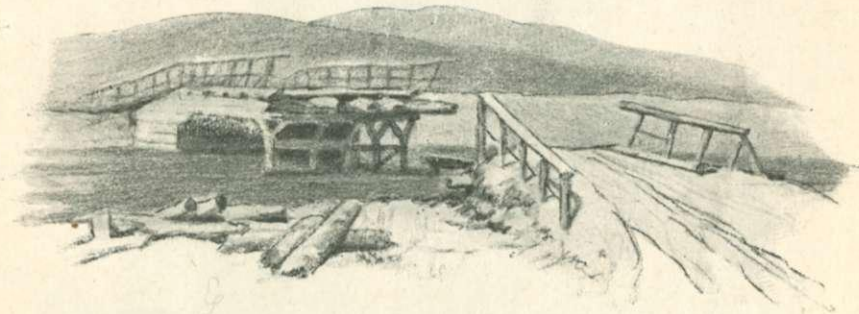
Грачи и скворцы тучами носились въ воздухѣ и садились то на косматые березы, то на дымящіяся кучи навоза.

— Что у васъ всегда такая весна?—спросилъ я старика-станичника, откидывающаго снѣгъ отъ дома.

— Нѣтъ, баринъ, въ этомъ году особенно; въ прошломъ—въ эту пору уже посѣяли, а нонѣ гдѣ пахать!.. Гляди, вонъ пошла!..

Я посмотрѣлъ: въ самомъ дѣлѣ, прямо на избу неся, шурша, съ горы большой потокъ, наполовину съ снѣгомъ. Старикъ вскочилъ и торопливо сталъ ковырять лопатой, но что онъ могъ сдѣлать противъ такой силы!.. Нѣсколько минутъ спустя, онъ возвращался уже по колѣно въ водѣ къ своей избѣ, окруженной потокомъ. Недалеко отъ Сергіополя мы застряли около рѣки Ащи-су (соленая вода), мостъ черезъ которую снесло вешней водой. Вообще, горныя

рѣчки были большимъ за трудненіемъ во время нашего пути, и переправа черезъ нихъ сопряжена съ большими препятствіями. На этотъ разъ пришлось ожидать два дня, чтобы рѣчка немного стихла и можно было переправиться черезъ нее. На станціи сконилось много проѣзжающихъ; ночевать было тѣсно; утромъ, чуть свѣтъ, наши тройки двинулись по морозцу въ надеждѣ, что за ночь Ащи-су значительно спала, но мы обманулись. Около рѣки намъ приготовили юрту, гдѣ насъ встрѣтилъ аульный старшина Мурзабай и джигиты. Они сняли шапки и подошли съ поклонами, прикладывая руки къ груди. Поодаль, на привязи, стоялъ баранъ. На двухъ верблюдахъ привезли много

Разрушенный мостъ черезъ рѣку Ащи-су.

кураю *), и скоро зашипѣлъ на огнѣ вкусный шашлыкъ, а на таганкѣ весело закипѣла вода въ чайникѣ.

У разрушеннаго моста, на берегу, стоялъ паромъ, но имъ нельзя было воспользоваться, такъ какъ Ащи-су разлилась настолько, что не было никакой возможности перекинуть съ берега на берегъ канатъ, по которому обыкновенно тянутъ паромъ.

Пришлось заночевать въ юртѣ. Засыпая, я погрузился взоромъ въ глубокое звѣздное небо, которое виднѣлось въ отверстіе юрты. Должно быть, каждый киргизъ въ душѣ художникъ,—засыпая, онъ каждый вечеръ наслаждается

*) Курай, иначе „перекати поле“,—степное растеніе, богатое золой; зола даетъ чистую соду и употребляется киргизами для приготовленія мыла.

Аульный старшина Мурзабай.

этой красотой. Но вотъ похолодѣло, отверстіе пришлось закрыть кошмой.

Подъ утро къ поломанному мосту приблизился съ другого берега стражникъ изъ поселка Аркатъ и сталъ кричать:

— Мурза-бай!.. Мурза-бай!..—но вѣтеръ сносилъ въ сторону его голосъ.

Атей-бекъ, стоявшій на дежурствѣ, какимъ-то чудомъ не спалъ, подошелъ къ юртъ и разбудилъ Мурзабая.

— Аллахъ, Аллахъ!..—и еще что-то съ просонка бормоталъ испуганный старшина.

Разовъ семь стражникъ перебрасывалъ канатъ и, наконецъ, при помощи джигитовъ, удалось наладить паромъ. Этотъ паромъ, вѣроятно, былъ тотъ самый ковчегъ Ноя, который какимъ-то чудомъ сохранился до нашихъ дней; видъ у него былъ вполне историческій,—вѣроятно, онъ служилъ моделью художнику Дорэ для его картины „Потопъ“.

Деревянный остовъ наполовину обнажилъ свои ребра, которые почернѣли, покрылись плѣсенью и мхомъ; огромныя трещины ясно говорили о долгихъ годахъ пребыванія на этихъ грустныхъ берегахъ; онъ скрипѣлъ и жалобно пищалъ.

Мы не рѣшились сразу сѣсть на него и предварительно переправили вещи, а послѣ ужъ переправились и сами. Разрушенный мостъ печально глядѣлъ на нашу переправу. Поблагодаривъ Бога за благополучную переправу, мы снова устроились въ своихъ тарантасахъ и двинулись дальше. До Аркатской станціи всю дорогу за нами гнался градъ; догонить, ударить въ тарантасъ и по спинамъ лошадей; лошади вздрогнуть и побѣгутъ сильнѣе. Какъ-то весело было ѣхать. Тучка пройдетъ и оставитъ за собой на небѣ небольшіе клочки, окруженные серебряной каемкой. Дальше градъ посыпалъ сильнѣе, такъ что покрылъ землю сѣрымъ налетомъ; ямщикъ говоритъ, что этимъ градомъ, вѣроятно, много побито барановъ въ степи.

Станція Аркатъ расположена у подножія скалистого хребта, того же имени. Намъ хотѣлось здѣсь отдохнуть, но мы рѣшили лучше ѣхать дальше, чтобы скорѣе быть въ Семипалатинскѣ. Отъ нечего дѣлать, я подошелъ къ росписанію дороги, висѣвшему на стѣнѣ станціоннаго до-

мика. Курьезно!.. Пишутъ: „черезъ рѣку мостъ, а ѣзда вбродъ!“

Лошади такъ привыкли ѣздить вбродъ, что пугаются, увидя предъ собою мостъ: становятся на дыбы, рвутся во все стороны, но на мостъ не идутъ!..

И право, не знаю, что лучше — ѣхать ли по ветхому, готовому каждую минуту рухнуть, мосту или вбродъ?!

Наконецъ-то, послѣ долгихъ мытарствъ, мучительной тряски на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, мы подъѣзжали къ Семипалатинску. Трудно передать то чувство счастья, которое мы испытывали... Утро было голубое, свѣтлое... Вдали на горизонтѣ привѣтливо смотрѣли бѣлыя церкви... Семипалатинскъ, Семипалатинскъ!.. повторялъ я. Казалось, самый колокольчикъ уже радостно звенѣлъ и переливался... Слава Богу!.. конецъ ѣздѣ на почтовыхъ—хотѣлось отдохнуть; душа и тѣло одинаково устали отъ этого мучительнаго способа передвиженія.

Дождется ли, наконецъ, этотъ богатый край желѣзной дороги!.. Скоро ли онъ сольется съ остальнымъ культурнымъ міромъ, и дикая поэзія кочевниковъ отойдетъ въ область преданій! Цивилизація прививается здѣсь слишкомъ туго; такіе большіе культурные центры, какъ Вѣрный и Семипалатинскъ, оказываются совершенно изолированными и отрѣзанными отъ остального міра. Правда, Семипалатинскъ поставленъ въ нѣсколько лучшія условія,—его соединяетъ рѣка Иртышъ съ Омскомъ, но это только лѣтомъ во время навигаціи, а зимой онъ тоже совершенно отрѣзанный ломоть.

А между тѣмъ, Семипалатинскъ—главный городъ области не только въ административномъ отношеніи, но онъ важенъ какъ торговый и умственный центръ края. Съ внѣшней стороны это очень красивый городъ. Расположенный на высокомъ берегу Иртыша, онъ пестрѣетъ колокольнями православныхъ храмовъ и магометанскими мечетями; население здѣсь смѣшанное и состоитъ изъ русскихъ и татаръ, покоренныхъ когда-то Ермакомъ. Послѣ бѣлаго осмотра города, я скорѣе отправился на пароходъ,

который готовился совершить свой первый рейсъ по Иртышу.

Пароходъ медленно отчаливалъ отъ пристани. Въ душѣ поднималось ка-

Надъ Иртышемъ. Мусульманская могила и барка на Иртышѣ.

кое-то грустное чувство; какъ ни странно, но чего-то было жаль, что-то хотѣлось запечатлѣть, унести съ собою!.. Всѣ страданія, связанные съ неудобствами ѣзды на почтовыхъ лошадяхъ, какъ бы уходили вдаль вмѣстѣ съ волнами, оставленными пароходными колесами.

„Кто знаетъ? Самъ Богъ создалъ все, Самъ и знаетъ!“ — вспомнилъ я прісказку степного баяна Киндже-Кара.

И душу снова охватила поэзія привольныхъ, киргизскихъ степей, красота мощныхъ хребтовъ и дикая музыка горныхъ рѣчекъ.

